

№151 2019 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Новая рубрика предоставляет слово мемориальцам — чтобы высказаться о различных аспектах их работы и окружающей действительности. В этом номере «30 октября» попросила поделиться соображениями и ответить на два вопроса: об отношении к Стене скорби — памятнику жертвам репрессий, установленному властями в Москве, и об отклике в их регионах на протестные события лета 2019 года. Ниже мы приводим выдержки из ответов.

СВЕТЛАНА КОСТИНА, МИАСС

«Наша администрация не очень нас переносит, все больше и больше уменьшая поддержку».

«Памятник произвел на меня очень сильное впечатление, тем более что там есть несколько камней с Золотой горы... Одно но — мне кажется, что выбранное место слишком уж шумное и лучше было бы поставить в более тихом месте».

«Мне самой эти события не нравятся и несколько напоминают провокацию, тем более что туда втягивают молодежь».

ВАСИЛИЙ ГУСЛЯННИКОВ, САРАНСК

«То, что такой памятник открылся, это конечно, хорошо. Плохо, что тема репрессий, как и сам памятник, замалчивается в наших СМИ».

«По поводу реакции на массовые акции в Москве могу сказать, что Саранск в этом смысле настоящее болото...»

«Я очень рад, что в Совете по правам человека нашлось 29 человек, которые подписали заявление о том, что 27 июля в Москве не было никаких массовых беспорядков и, следовательно, обвинения в участии в этих беспорядках необоснованны».

АЛЕКСАНДР РУДНИЦКИЙ, НОВОСИБИРСК

«...К памятнику в Москве могут быть самые разные претензии, но... гораздо хуже было бы, если б его не было вовсе».

«Ситуацию с реакцией на массовые задержания в Москве... не отслеживаю. Но мое мнение таково — я считаю, что власти окончательно распоясались и ведут себя очень опасно для продолжения своего существования».

Подробнее на с. 2

САНДОРМОХ КАК ТОЧКА КИПЕНИЯ

5 августа в лесном урочище Сандормох прошла ежегодная акция памяти жертв Большого террора. Речь идет о почти 10 тысячах людей 58 национальностей, убитых во время Большого террора 1937–1938 годов. 12 августа Российское военно-историческое общество начало вторую экспедицию в Сандормохе. РВИО планирует доказать теорию историка Сергея Веригина, о том, что в Сандормохе захоронены не только жертвы «Большого террора», но и солдаты Красной армии, убитые финнами в Великую Отечественную войну. После первой экспедиции в 2018 году экспертиза останков и артефактов не подтвердила теорию историка. «Международный Мемориал» считает действия РВИО попыткой уменьшить масштабы репрессий в СССР.

РВИО ПРОВЕЛО НОВЫЕ РАСКОПКИ В САНДОРМОХЕ

С 12 августа 2019 года в урочище работает новая экспедиция Российского военно-исторического общества — РВИО (предыдущая была в августе 2018 года). В пресс-релизе РВИО говорится, что работы ведутся по обращению правительства Карелии и Медвежьегорского музея. Кроме РВИО, в организациях заявлены Союз поисковых отрядов Карелии и Региональное отделение Поискового движения России. РВИО целенаправленно ищет могилы пленных красноармейцев.

Поисковики РВИО пытаются доказать теорию двух профессоров Петрозаводского госуниверситета Сергея Веригина и Юрия Килина — о том, что как минимум часть захороненных в Сандормохе людей

— жертвы финских концентрационных лагерей, организованных в этих местах во время Великой Отечественной войны. Во время раскопок поисковики обнаружили останки нескольких человек и гильзы от пистолетов «Маузер» и «Браунинг», но, как сообщил интернет-портал «7x7», такие пистолеты до 1939 года могли быть у советских силовиков. Противники версии Веригина и Килина настаивают, что нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих их версию, а сама теория придумана для того, чтобы принизить заслуги организации «Мемориал», которую Минюст признал иностранным агентом. Время появления теории Веригина и Килина совпадает с началом преследования руководителя карельского «Мемориала» Юрия Дмитриева.

По словам поисковиков, в ямах по одному человеку, «значит, это не массовый расстрел» (пока это единственный выдвигаемый критерий, по которому выбираются места раскопок). «Репрессии нас не касаются, мы, если на массовое наткнемся, сразу остановимся», — говорит Александр Осиев. Между тем, если свериться с таблицей расстрелов по актам (опубликованным в книге Ивана Чухина «Карелия-37»), весь август и сентябрь 1937 года расстрелы НКВД велись малыми партиями, по 5–15 человек.

Работы ведут две небольшие партии: одна копает, другая в разведке. Фото- и видеофиксация работ практически не ведется. В Сандормох приехали корреспонденты государственного ТВ. На месте присутствует ан-

Окончание на с. 3

Об Александре Лавуте, политзаключенном, многолетнем участнике правозащитного движения, говорили на вечеру его памяти в «Международном Мемориале». Темы, над которыми работал Лавут в 1970–1990-х годах по-прежнему актуальны: политические репрессии, преследования крымских татар, свобода слова и защита прав человека.

Александр Павлович Лавут (1929–2013 годы) с конца 1960-х годов принимал деятельное участие в правозащитном движении, в издании «Хроники текущих событий», был одним из ее ведущих авторов.

Особое внимание он уделял проблеме возвращения крымских татар на родину. В 1980 году он был приговорен к 3 годам лагерей по статье 190-1 УК РСФСР («Распространение заведомо лож-

Окончание на с. 5

ТЕПЛЫЙ ЧЕЛОВЕК АЛЕКСАНДР ЛАВУТ

10 ЛЕТ БЕЗ НАТАЛЬИ ЭСТЕМИРОВОЙ

Десять лет назад была убита Наталья Эстемирова. Убийство до сих пор не раскрыто, заказчик не привлечен к ответственности.

В десятую годовщину убийства правозащитницы на Красную площадь вышли в одиночные пикеты члены Правозащитного центра Мемориал Александр Черкасов и Светлана Ганнушкина и журналист «Новой газеты» Елена Милашина. Через 10 минут после начала акции их задержали и доставили в отдел полиции. Позже они были оштрафованы.

Наталью Эстемирову похитили утром 15 июля 2009 года недалеко от ее дома в Грозном. Через несколько часов тело правозащитницы с огнестрельными ранениями нашли на территории соседней Ингушетии,

Окончание на с. 4

Дорогие читатели!
Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». В 2019 году рассылается по отделениям «Мемориала» благодаря пожертвованиям сотрудников редакции.

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор
Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Крамольный дневник девицы Шепелевой с. 6

Заходите в вагон, поезд отправляется с. 7

Как поймать Пермский «Мемориал» с. 8

Ногинская находка с. 9

Из истории террора на Дальнем Востоке с. 10

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

➤ Окончание. Начало на с. 1

«30 октября» открыла новую рубрику для того, чтобы мемориальные делились вопросами, на которые у них нет ответов, рассказами об успехах, которые могли бы пригодиться коллегам, ошибках, изучение которых позволит не совершать аналогичные.

ЮРИЙ ЛЮКЛЯН, ХАБАРОВСК

В принципе, у нас идет обычная работа — готовим Книги памяти, работаем с молодежью, ведем пропаганду в школах. Недавно отремонтировали часовню — памятник жертвам политических репрессий на Центральном кладбище, на месте которого в 1930-х был полигон, где расстреливали жертв террора. Эта мемориальная часовня Воскресения Христова, с надписью над входом «Вечная память невинно убиенным», была построена в 1990 году. В 1991 году рядом с ней была построена Стена Памяти. В 2003 году вместо нее на средства администрации Хабаровска были установлены восемь крестообразных пилонов из черного мрамора с высеченными на них именами 4302 хабаровчан. Перед этим часовню ремонтировали в 1998, 2003 годах (оба раза после действий вандалов) и в 2010-м. Кроме того, у нас сейчас масштабная смена власти в крае — в прошлом году сменился губернатор, в этом — мэр. Пришли новые руководители. Нельзя сказать, что они быстро двигаются к нам навстречу, но все-таки, по моим ощущениям, некие шаги есть.

К памятнику в Москве у меня отношение двойственное. С одной стороны, конечно, хорошо, что все же поставили памятник. С другой — остается какой-то неприятный осадок от того, что туда не пригласили мемориальцев, которые много лет пробивали создание такого памятника.

Как таковой реакции людей на события в Москве у нас практически нет. Было несколько небольших пикетов, которые старался организовать местный штаб Навального, и все. Но мы в это не вмешиваемся — у нас слишком много своих дел, чтобы участвовать еще и в этом.

ВЛАДИМИР ЧУБАРЕВ, ОРЕНБУРГ

Сейчас мы столкнулись с серьезной проблемой — лишились помещения. Раньше мы квартировали в городском музее Тараса Шевченко, который, кстати, создавала моя супруга, и мы предлагали создать там музей репрессий в царский и советский периоды. Оттуда нас выселили на Гостиный двор. Недавно он закрылся на реставрацию, всех, и нас в том числе, оттуда выселили, и мне пришлось забирать мебель и архив «Мемориала» к себе домой. Мебель хранится в гараже, документы — в доме. Хотелось бы вернуться в музей Шевченко, где мы могли бы развернуть собранную экспозицию о репрессиях. Кроме того, мы ежегодно 30 октября проводим общий сбор репрессированных, их детей и внуков — всех, чьих семей это коснулось. Сейчас начинаем подготовку к этому дню.

Я считаю, замечательно сделали, что открыли этот памятник Стена скорби. Москва — центр страны,

люди должны помнить о репрессиях. Мы здесь пытаемся сделать нечто подобное. Когда-то в городе стояло здание окружного суда, где во время Большого террора заседала «тройка», выносились смертные приговоры, а в ряде случаев эти приговоры приводились в исполнение прямо там, в подвале. Потом, как это у нас часто бывает, здание это снесли и построили на его месте стандартную девятиэтажку. Сейчас мы хотим повесить на ней мемориальную доску, что вот, здесь был суд, заседала «тройка», выносились смертные приговоры.

Как отклик на события в Москве у нас прошел ряд пикетов, даже митинг — небольшой, но был. А наш местный 4-й канал телевидения хорошо показал, что происходит, — мы едва ли не вживую смогли наблюдать, как полиция относится к людям. Мы тоже организовали митинг — о том, что в городе уже четвертый год закрыт музей первого космонавта Юрия Гагарина. Сейчас мы ждем, что по итогам выборов, которые пройдут 8 сентября, руководство региона сменится и что-то все же изменится.

СВЕТЛАНА КОСТИНА, МИАСС

На данный момент мы, можно сказать, уходим в прошлое. Сейчас мы делаем лишь то, без чего нельзя обойтись — отмечаем годовщину создания «Мемориала» 9 мая, ездим на Золотую гору (место массовых расстрелов в Челябинске) и, конечно, каждый год отмечаем 30 октября. К сожалению, мало людей, работать почти не с кем. Те, с кем мы начинали в 1990-х, или лежачие, или близки к этому состоянию. Дети и внуки репрессированных, которые приходили к нам раньше, не очень хотят с нами работать, особенно после того, как администрация фактически срезала льготы репрессированным. Да и вообще, наша администрация не очень нас переносит, все больше и больше уменьшая поддержку. Обычно к нам заходят только те, кого репрессии коснулись непосредственно, а из более младших — единицы.

Я видела Стену скорби только один раз — после отчетно-выборной конференции «Мемориала» в ноябре прошлого года. И конечно, памятник произвел на меня очень сильное впечатление, тем более что там есть несколько камней с Золотой горы. Это грандиозное сооружение. Одно но — мне кажется, что выбранное место слишком уж шумное и лучше было бы поставить в более тихом месте. Но раз уж поставили, то и отлично.

На события в Москве никакой реакции в Миассе не было. Мне самой эти события не нравятся и несколько напоминают провокацию, тем более что туда втягивают молодежь, которая еще не имеет своего мнения.

ВАСИЛИЙ ГУСЛЯНИКОВ, САРАНСК

Прежде всего, мы действуем как автономная единица в составе Мордовского юридического правозащитного центра — работаем в сфере правозащиты. Буквально сегодня я принимал человека по делу, которое тянется еще с 2013 года: человек не может добиться присвоения звания «Ветеран труда». Зовут его Александр Кондренков, он железнодорожник, обладатель почетного знака «1 миллион километров без аварий», при наличии которого раньше без проблем присваивали звание «Ветеран труда». Но когда он обратился в Минсоцзащиты, там ему отказали. Он пошел в суд, и суд принял его сторону. Но Минсоцзащиты обжаловало решение в Верховном суде Мордовии и, видимо, «объяснило» судьям, что это такая го-

сударственная политика — нечего, мол, плодить всяческих ветеранов со льготами. В итоге Верховный суд отменил решение нижестоящего суда, хотя в то время правило о том, что наличие этого знака дает право на получение звания «Ветеран труда», еще действовало (его отменили только в 2016 году). Сейчас написали Генеральному прокурору РФ Чайке с просьбой вмешаться.

В Мордовии сейчас создалась неформальная группа историков, занимающихся историей репрессий, и я принимаю в ней участие. Так, три недели назад от «Мемориала» получил микрогрант поисковик, который будет заниматься установлением мест захоронений. В июле в Саранске прошла конференция «Репрессии и террор в XX веке: идеология, практика, последствия», посвященная памяти жертв репрессий 1937 года. В резолюции конференции властям предложено к 30 октября 2020 года открыть в нескольких республиканских музеях экспозиции памяти жертв политических репрессий в Мордовии и вмонтировать металлическую пластину в дорожное полотно Советской площади над местом расстрельного подвала НКВД. Важно также обозначить географически точные расположения всех мест массовых захоронений на территории Мордовии, а в будущем возвести мемориальный комплекс жертвам политических репрессий на месте массовых захоронений расстрелянных земляков в овраге у Богоявленского родника (ручей Эряфлей¹). Также было предложено начать менять в городе названия улиц, многие из которых — в память различных коммунистических вождей.

А буквально на днях я подписал рекомендательное письмо доктору исторических наук Владимиру Абрамову, который подготовил к изданию книгу «Репрессированные в СССР в 1937 году эстонцы».

Я ничего не могу сказать про архитектурные достоинства или недостатки — я физик по образованию, и архитектура все-таки не мое. То, что такой памятник открылся, это, конечно, хорошо. Плохо, что тема репрессий, как и сам памятник, замалчивается в наших СМИ.

По поводу реакции на массовые акции в Москве могу сказать, что Саранск в этом смысле настоящее болото. Здесь даже газету «Собеседник» купить невозможно — заказывают в киоски по одному экземпляру. Я очень рад, что в Совете по правам человека нашлось 29 человек, которые подписали заявление о том, что 27 июля в Москве не было никаких массовых беспорядков и, следовательно, обвинения в участии в этих беспорядках необоснованны.

АЛЕКСАНДР РУДНИЦКИЙ, НОВОСИБИРСК

Главное, чем мы сейчас занимаемся, — это памятник Неизвестному Заключенному (по аналогии с Неизвестным Солдатом) — энкам, чьи могилы, а значит, и имена неизвестны. Мы много лет добивались создания этого памятника, и в этом году городской худсовет разрешил нам поставить памятный знак. Мы надеемся управиться с этим до 30 октября. Место мы уже выбрали — Нарымский сквер, где уже стоит памятник жертвам политических репрессий. Причем мы хотим поставить памятный знак не вместо, а вместе с памятником, чтобы они образовали единый комплекс. Я полагаю, что это будет разумно, поскольку тот памятник более «общий» — там написаны на-

ХРОНОЛОГИЯ МОСКОВСКИХ ПРОТЕСТОВ

Каждые пять лет в сентябре москвичи голосуют за кандидатов в московский парламент. На сомнительных основаниях избирательные комиссии отказали в регистрации кандидатам от оппозиции, что привело к серии мирных протестных акций.

Акции начались 14 июля, когда перед зданием Московской городской избирательной комиссии оппозиционные кандидаты организовали встречу с избирателями, в которой приняли участие около тысячи граждан. Власти объявили встречу несогласованным митингом и задержали 38 человек, применяя необоснованно жестокую силу к протестующим: их неоднократно избивали дубинками по голове и телу, тянули за волосы и тащили к полицейским автозакам. Из-за полученных травм некоторым протестующим требовалась госпитализация. Затем большинству задержанных предъявили обвинения по статье 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП) «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования».

После митинга 14 июля власти не только не зарегистрировали кандидатов, но и возбудили уголовное дело о «препятствовании осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» на основании статьи 141 Уголовного кодекса Российской Федерации. В связи с последним делом в домах нескольких кандидатов и одного муниципального депутата, а также родственников кандидатов 24–26 июля были проведены обыски, большинство из них — в ночное время. Обыски также провели в штабе оппозиционных кандидатов.

На мирных несогласованных митингах 27 июля, которые прошли в различных местах в центре Москвы, сотрудники полиции и Росгвардии задержали 1373 человек (каждый 16-й протестующий). Неделию спустя, 3 августа, протестующие собрались еще раз. Используя ту же жесткую тактику, обмундированные с ног до головы сотрудники силовых структур задержали более тысячи человек, часто выхватывая людей из толпы случайным образом. Забирали тех, кто не скандировал лозунги, не держал каких-либо плакатов, не нарушал общественный порядок — случайных людей, оказавшихся на пути.

Большинство задержанных обвиняются в участии в несанкционированном митинге (статья 20.2 КоАП) и неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции (статья 19.3 КоАП), что грозит штрафом в размере до 250 000 рублей или административным арестом до 30 дней.

10 августа более 50 000 граждан собрались на проспекте Сахарова в Москве, чтобы поддержать своих незарегистрированных кандидатов на мирной протестной акции, одной из крупнейших в современной истории России. После окончания митинга власти возобновили репрессии против протестующих.

Во время акции протеста 10 августа участники требовали, чтобы власти положили конец преступному процессу о «массовых беспорядках», освободили всех обвиняемых по этому делу и допустили независимых кандидатов к участию в предстоящих выборах.

«С начала волны протестов власти задержали около 3000 участников мирных протестных акций, открыли десятки административных и несколько уголовных дел. Представители силовых ведомств избили десятки мирных демонстрантов резиновыми дубинками и незаконно задержали тысячи людей, включая несовершеннолетних, журналистов и даже прохожих. Задержанные подвергались жестокому обращению в полицейских машинах, ОВД и судах. Российские власти вопиющим образом нарушили права российских граждан на мирные собрания, гарантированные статьей 31 Конституции России», — говорится в заявлении ПЦ «Мемориал», опубликованном 15 августа.

Акции солидарности с аналогичными требованиями прошли в более чем 40 городах России. В Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону и Брэнске полиция задержала 96 человек, в том числе 28 несовершеннолетних и трех журналистов. Реакция властей в Санкт-Петербурге была особенно резкой: полицейские задерживали протестующих несмотря на то, что они приложили все усилия для организации мирных одиночных пикетов, которые разрешены законом и не требуют предварительного согласования с властями.

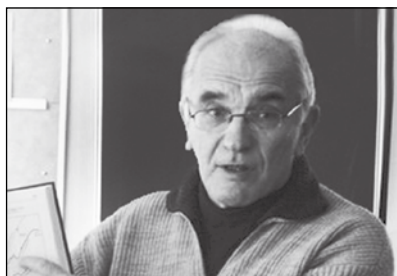
15 августа Международная федерация по правам человека (FIDH) и ее членские организации заявили, что считают эти уголовные дела политически мотивированным и противоречащим как российским, так и международным законам «поскольку властями не было представлено достоверных доказательств того, что «массовые беспорядки» в действительности имели место».

Многие профессиональные сообщества выступили в защиту фигурантов так называемого «Московского дела». Открытые письма появлялись одно за другим: политологов, преподавателей и сотрудников НИУ ВШЭ, членов СПЧ и ученых.

Массовые протесты вызваны тем, что «люди сильно раздражены» и «это не на пользу никому», заявил в 19 августа, в интервью РБК глава государственной корпорации «Ростех» Сергей Чemezov. По его мнению, наличие здоровой оппозиции идет во благо любому органу и государству в целом.

Глава Счетной палаты Алексей Кудрин назвал беспрецедентным применение силы полицией на акциях протеста в Москве.

По данным ОВД-Инфо, ПЦ «Мемориал», «Медиазоны»

нравственность», и потому права рассматривать его он не имеет. После чего худсовет единогласно проголосовал против установки памятника (позже коммунисты добились разрешения на его установку — но уже во дворе обкома КПРФ, где, как они заявили, «мы его будем охранять»).

Я думаю, что к памятнику в Москве могут быть самые разные претензии, но полагаю, что гораздо хуже было бы, если б его не было вовсе. А надписи и прочее — на эту тему можно спорить, но это можно добавить или сменить.

Я сейчас не в Новосибирске и ситуацию с реакцией на массовые задержания в Москве там не отслеживаю. Но мое мнение таково — я считаю, что власти окончательно распоясались и ведут себя очень опасно для продолжения своего существования.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. Пригород Саранска.

Фотографии предоставлены спикерами.

➤ Окончание. Начало на с. 1

трополог, заявленных в пресс-релизе археологов нет. Нет также финских историков и поисковиков, об участии которых говорилось на пресс-конференции РВИО в июне в РИА «Россия сегодня». По словам Осиева, «их не интересуют эти захоронения».

13 августа Санкт-Петербургский «Мемориал» составил Открытое письмо в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, в котором дает оценку происходящему и просит провести проверку законности действий РВИО. Публикуем полный текст обращения:

«Вчера, едва дождавшись окончания Международных дней памяти на Мемориальном кладбище «Сандормох»: «на Мемориальном кладбище жертв политических репрессий в Сандормохе». Российское военно-историческое общество возобновило начатые в прошлом году раскопки. Целью этих раскопок является подтверждение гипотезы о том, что «на самом деле» в Сандормохе, лежат останки советских военнопленных, расстрелянных во время финской оккупации Карелии. Авторы этой гипотезы не могут привести ни единого документального свидетельства в ее пользу и не могут назвать имен людей, которых они ищут в расстрельных ямах на Мемориальном кладбище, — ни одного имени.

В отличие от РВИО, мы можем поименно назвать 6241 человека, уничтоженных НКВД «в районе ст. Медвежья гора» в 1937–1938 годах, и в состоянии документально доказать, что они были расстреляны и захоронены именно там, в таежном урочище, ныне носящем название «Сандормох». Но дело даже не в этом.

Вскрытие захоронений на мемориальном кладбище и извлечение из них останков на основании одних только голословных, ничем не подкрепленных гипотез — это не просто бессмысленная попытка доказать недоказуемое. Это еще и беспримерный акт вандализма, акт осквернения могил — деяние, караемое законами Российской Федерации. Это оскорбление памяти 6241 человека, лежащих в расстрельных ямах 1937–1938 годов, попытка вновь уничтожить память о них, надежды воскреснуть благодаря усилиям многих историков и краеведов, плевков в душу потомкам их потомков.

Кремь тысяч — это акт оговоренного пренебрежения по отношению к памяти красноармейцев, — сколько бы их ни было, — действительно погибших в финских лагерях для военнопленных², отказ от поиска действительных мест их захоронения ради сиюминутных беззастенчивых политико-пропагандистских целей.

Мы просим Генеральную прокуратуру Российской Федерации провести проверку законности действий Российского военно-исторического общества на территории Мемориального кладбища «Сандормох» на предмет наличия в них состава уголовных преступлений, описываемого ст. 214 («Вандализм»), ст. 243 («Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия») и ст. 244 («Нарушение над телами умерших и местами их захоронений»), а также на предмет нарушения Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия», по которому разрешение на проведение любых работ на территории памятника может быть выдано после создания проекта производства этих работ, а также с заключением историко-культурной экспертизы».

ДНИ ПАМЯТИ

В преддверии Дней памяти в Сандормохе и на Соловках «Международный Мемориал» опубликовал тезисы о будущем месте захоронения, принятые правлением общества 12 июля: «**Будущее Сандормоха: каким оно должно быть, с нашей точки зрения.**»

«Урочище Сандормох — крупнейшее на Северо-Западе России захоронение жертв Большого террора 1937–1938 годов. Это один из немногих расстрельных полигонов — мест, долгое время имевших статус спецобъектов, где массово расстреливали и закапывали в общих могилах тела, — для которых мы можем указать не только точное число убитых во время Большого террора и захороненных здесь людей — 6241 человек, но и назвать каждого из них по имени³. Среди них заключенные Белбаллага, ссыльные-«трудпоселенцы», узники Соловецкой тюрьмы особого назначения; это значит, что почти половина погибших в Сандормохе — жители других регионов России и других республик Советского Союза. Таким образом, память о Большом терроре, материализовавшаяся в Мемориальном кладбище «Сандормох» (Сандармох), имеет не только региональное, но и федеральное и международное значение.

После обнаружения в 1997 году захоронений в Сандормохе и открытия осенью того же года Мемориального кладбища сюда, начиная с 1998 года, стали стихийно приезжать люди со всей Карелии, со всех концов России, из других стран. А 5 августа каждого года, на Международные Дни памяти, учрежденные «Мемориалом» совместно с правительством Республики Карелия, здесь ежегодно собираются многие сотни людей. Памятники и памятные знаки, установленные в урочище родственниками и потомками погибших, разными национальными землячествами и профессиональными общинами, сложились в уникальный мемориальный ансамбль — народный мемориал памяти жертв террора. Этот ансамбль необходимо защитить и сохранить для наших потомков.

Необходимо не допускать понижения охранного статуса Сандормоха, который за этим памятным местом закреплен на сегодняшний день. Желательно этот статус повысить, ибо Сандормох — это место памяти национального и международного масштаба.

Необходимо так же, как это уже делается в других трагических памятных местах России, поименно увековечить память всех захороненных в Сандормохе. В перспективе здесь должна быть сооружена Стена Памяти с полным перечнем имен покоящихся здесь людей.

Необходимо предоставить архивным исследованиям, связанным с этим местом и его историей, статус наибольшего благоприятствования и обеспечить свободный доступ к соответствующим архивным материалам. Результаты этих исследований, включая обнаруженные документы, должны быть опубликованы.

Необходимо оперативно реализовать план научной реставрации Сандормоха, разработанный по результатам экспедиции Елены Кондрахиной летом 2019 года.

САНДОРМОХ КАК ТОЧКА КИПЕНИЯ

Необходима постоянная просветительская работа в Сандормохе, а именно:

- оказание поддержки на национальном и международном уровне проведению ежегодных Дней памяти 5 августа;
- постоянная поддержка и ведение сайта, посвященного Сандормоху;
- постоянный мониторинг состояния памятного места;
- организация регулярных экскурсий на Мемориальное кладбище, прежде всего — для школьников;
- расширение в краеведческом музее города Медвежьегорска постоянной экспозиции, посвященной Сандормоху, и создание такой экспозиции в Национальном музее Карелии».

Москва, 12 июля 2019 года

«СВОБОДУ ЮРИЮ ДМИТРИЕВУ!»

По данным организатора мероприятия — Петербургского «Мемориала», в общей сложности в акции приняли участие более 300 человек. Нынешняя акция — не только мероприятия, посвященные памяти жертв Большого террора, но и акция солидарности с Юрием Дмитриевым. Многие добились на своих автомобилях, часть активистов прибыли на урочище на автобусах, арендованных организаторами, из расположенного неподалеку городка Медвежьегорск. До этого, еще в Медвежьегорске, участникам мероприятия была предложена экскурсия по местному музею, которую провел активист Андрей Литвин. Часть экспонатов посвящена именно временам Большого террора. Среди участников — родственники репрессированных, дипломаты, иностранцы, казаки.

Акция была открыта уполномоченным по правам человека в Карелии Александром Шараповым. «История нередко повторяется, но очевидно и то, что она со временем расставляет все на свои места. Оттого память о репрессиях тех лет должна быть тормозом для их возвращения, ради всех неравнодушных к судьбе России. Мы с вами обязаны сделать все возможное, чтобы этот ужас больше не повторился, а человек, его права и свободы в нашей стране, да и во всем мире должны реально стать высшей ценностью. Светлая память!» — сказал Шарапов.

Из толпы донеслось: «Свободу Юрию Дмитриеву!», а уже через несколько секунд все участники скандировали этот лозунг. Аксию не пропустила и дочь Дмитриева — Екатерина Клодт. «Папа передает всем привет. Мы надеялись, что он сможет поприсутствовать здесь хотя бы заочно — позвонит по телефону, но не сложилось», — сказала она.

В свою очередь, инициатор общественного движения «Сандармох. Возвращение имен» Максим Лялин перед собравшимися прочитал стихи карельского журналиста Андрея Туоми, заканчивающиеся словами: «Здравствуй, дед, прошло так много лет, и дорогой долгой к Сандармоху я пришел в расстрельную эпоху, я пришел, чтоб дать тебе ответ».

Среди участников акции — консул Чехии Карел Кюнл. Он подошел к дереву, к которому был прикреплен список из восьми фамилий, расстрелянных в Сандормохе. Рядом с венком из Чехии стоял венок с флажком Польши. Кюнл заметил, что это поддержка и понимание одного народа в адрес другого.

Неподалеку, у памятника финским репрессированным, журналистка беседовала с женщиной по имени Илона Ванханен, чей дед Арве Корхонен был расстрелян в Сандормохе 22 апреля 1938 года.

КАМЕННАЯ ПАМЯТЬ

Для увековечивания памяти жертв Сандормоха был создан проект

«Сандармох. Возвращение имен», рассказал автор проекта Максим Лялин. Инициатива реализуется на деньги родственников погибших и обычных неравнодушных людей. Вместе с несколькими волонтерами Лялин устанавливает в урочище таблички с именами людей, которые были расстреляны здесь же. Ранее в Сандормохе родственники репрессированных устанавливали импровизированные памятники.

«Люди устанавливали памятные таблички, кресты, наносили надписи на надгробные деревянные столбики, на деревья, — рассказывает руководитель экспедиции «Сандормох. Карта Памяти. Мониторинг состояния памятных знаков» Елена Кондрахина. — К сожалению, со временем эти памятные знаки пришли в ветхость, некоторые столбики начали разрушаться».

Лялин придумал, как найти выход — установить каменные таблички. Они закапываются на средства неравнодушных граждан и прослужат очень долго. По словам Лялина, сейчас установлено уже 45 табличек.

«Очень важно помнить, что Сандармох не только исторический объект, на территории которого захоронены тысячи людей, имена которых мы знаем. Это свидетельство народной памяти о советском государственном терроре XX века. И наша задача — сохранить целостность этого комплекса», — заключает Кондрахина.

«СОЛОВКИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ — ОСОБОЕ МЕСТО, СИНОНИМ ГУЛАГА»

Своими впечатлениями с корреспондентом «30 октября» поделилась директор Санкт-Петербургского отделения НИЦ «Мемориал» Ирина Флиге, которая написала книгу «Сандормох: драматургия смыслов», рассказывающую о том, как многолетний поиск следов «пропавшего этапа» — 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения, вывезенных с островов в октябре 1937 года и бесследно исчезнувших, — привел к открытию крупнейшего на Северо-Западе России захоронения расстрелянных жертв Большого террора 1937–1938 годов. Ирина Флиге особо подчеркнула, что хочет, чтобы название урочища писалось через «о», а не через «а» — такой вариант более аутентичный.

«Акция прошла ярко, на ней было более 300 человек. Очень важно отметить, что акция — международная и на нее съезжаются люди не только со всей России, но и из-за рубежа. В прошедшем мероприятии, как обычно, принимали участие представители дипломатических миссий, консулы разных стран. Выступали и представители землячеств, общин, представители различных религиозных течений — католики, православные; также прошло чтение имен у еврейского камня⁴, — рассказала Флиге.

По ее словам, власти проигнорировали мероприятие.

«Представителей карельских властей не было, как не было и чиновников местного самоуправления. Не пришли на акцию и сотрудники краеведческого музея, которому поручены работы по благоустройству кладбища. И знаете что, без них было очень хорошо! Говорили о многом. О преступлениях прошлого, о месте преступления — в 1937–1938 годах здесь был расстрелян 6241 человек, и эту цифру мы можем доказать документально. Этим знанием и уникален Сандормох — мы знаем имена жертв и их палачей, и это большая редкость. Помимо Сандормоха, мест, где мы можем поименно назвать расстрелянных, еще два — Бутово и Коммунарка. Установить личности этих людей — тяжелая работа. Большую ее часть выпол-

нил Юрий Дмитриев», — рассказала Флиге.

«Международная составляющая Дней памяти очень важна. Она напоминает, что Большой террор — не частное дело России, как Холокост — не частное дело Германии, а Хиросима — не частное дело США. Международность обусловлена тем, что убитые и захороненные здесь — не только жители Карелии, но и заключенные Соловков и Белбаллага, трудпоселенцы и ссыльные, то есть люди, которые попали в Карелию насильственным путем и из самых разных регионов страны. Это не только люди разных национальностей, вероисповедания, но и граждане разных стран. К примеру, на Соловках было много представителей украинской интеллигенции», — сообщила Флиге.

«Соловки в русской истории — особое место, синоним ГУЛАГа, знак международной памяти об одной из гуманитарных катастроф XX века». «Начиная с августа 2014 года в Сандормох не приезжает украинская делегация, хотя отдельные люди из Украины посещают акции 5 августа. Для Украины Сандормох — это особое место, но когда из-за крымских событий, войны на Донбассе произошла трансформация памяти — стало очевидно, что преступное прошлое тесно связано с преступным настоящим», — отметила Флиге.

«Постепенно Сандормох превратился в место солидарности с современными политзаключенными. Уже несколько лет здесь же проходит акция — подпишите открытку политэзку. В первую очередь она посвящена Юрию Дмитриеву. Уже три года, как его нет на днях памяти», — досадовала Флиге.

«Сейчас Юре очень хорошо помогают, замечательно поддерживают. Существует огромная группа, в которой состоят тысячи человек. Многие ездят на суды только лишь для того, чтобы стоять в коридоре и приветствовать Юре, когда его в наручниках ведут по коридору. Кто не может поехать, помогает деньгами тем, у кого их нет, но есть возможность поехать. Постоянно идет сбор денег — на адвоката, поддержку передач в СИЗО, люди выходят с одиночными пикетами», — сообщила Флиге.

«Сегодня в Сандормохе опять совершается преступление. Оскверняются могилы, фальсифицируется история. Это опять место преступления и место борьбы за память», — закончила Флиге.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. Иван Чухин. «Карелия-37: идеология и практика террора», Петрозаводск, Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. Автор книги опираясь на документы, архивные и газетные материалы, свидетельства участников и очевидцев, систематизировал материалы по Большому террору. Его интересовали механизмы: кто отдавал приказы, как все было устроено. Чухин обнаружил, что на протоколах о приведении в исполнение приказа указаны ближайшие населенные пункты. Он составил таблицу с датами, количеством расстрелянных, фамилиями палачей.

2. Лагерь финских военнопленных находился в более чем 20 км от Сандормоха.

3. Полный список имен убитых в Сандормохе и Красном Бору собран Юрием Дмитриевым, опубликован в его книге и на сайте <https://sand.maprofmemory.org>

4. Памятник посвящен всем евреям, пострадавшим от политических репрессий в России в XX веке, среди них и теми, кто был расстрелян в урочище Сандормох. Точное число евреев, расстрелянных в Сандормохе, неизвестно, установлены имена 187 человек — их зачитывают участники траурной церемонии.

На снимках: Раскопки РВИО в Сандормохе, август 2019 г.
Фото Евгении Кулаковой

Ирина Флиге Скриншот выступления в Сандормохе, 5 августа 2019 г.

➤ Окончание. Начало на с. 1

10 ЛЕТ БЕЗ НАТАЛЬИ ЭСТЕМИРОВОЙ

Руководитель программы «Горячие точки» Правозащитного центра «Мемориал» Олег Орлов сказал, что сегодня «очень страшный день для всех, кто знал Наташу. Прошло десять лет, но ужас этих дней не ушел».

«Наташу часто называли руководителем офиса ПЦ «Мемориал» в Грозном. Но она не была руководителем — она вообще не была привычна к руководству, административной работе. Наташа была больше чем правозащитник — она была тем, кого можно, наверное, образно назвать «народный заступник». Она была сердцем и душой «Мемориала». И когда в нее выстрелили — это был выстрел в сердце», — заметил он. Орлов подчеркнул, что Эстемирова «в принципе не могла мириться с несправедливостью» и когда сталкивалась с ней, «то кидалась, со всем пылом своей души, восстанавливать справедливость; это была не работа, это была ее сущность».

Оюб Титиев, несколько лет возглавлявший грозненское представительство ПЦ «Мемориал», арестованный в январе 2018 года и проведенный из-за сфабрикованного обвинения в хранении нарко-

Титиев рассказал, как весной 2004 года, когда в результате авиаудара на высокогорном хуторе Ригахой погибла целая семья, мать и пятеро маленьких детей, Наташа поехала туда одна: «Как она добралась до этого хутора — не знаю. Я ездил туда одиннадцать лет спустя, и пришлось пройти 19 километров, периодически проваливаясь в снег».

Глава Комитета «Гражданское содействие» Светлана Ганнушкина рассказала, что несколькими часами ранее ее задержали за то, что она, спецкор «Новой газеты» Елена Милашина и председатель совета ПЦ «Мемориал» Александр

Черкасов вышли на Красную площадь с плакатами в стиле билборда из фильма «Три билборда на границе Эббинга, Миссури», где было написано «Правозащитница Наталья Эстемирова убила 10 лет назад», «Заказчики и убийцы до сих пор не найдены» и «Как же так, господин президент?».

Ганнушкина вспоминала, как познакомилась с Натальей Эстемировой: «Много лет я пытаюсь вспомнить, откуда она появилась у меня дома на моем красном диване. Вот не могу вспомнить, откуда она там взялась! Она как бы материализовалась. Это было в декабре 1999 года. И она очень темпераментно рассказывала мне о том, что происходит в Чечне, как мы все обязаны немедленно начать этим заниматься, как мы должны туда ехать, как мы должны с этим работать, как мы должны работать с беженцами. В руках у нее была Ланина игрушка — розовая кошечка. А в этой розовой кошечке была отснятая пленка того, что было в Грозном. Фотографии из Грозного. И вот из этой розовой кошечки, которую испороли, появилась пленка и потом появились фотографии, которые дали возможность показать миру, что же происходит в Чечне».

В середине июля 2009 года Светлана Ганнушкина как раз была в Грозном, когда правозащитникам стали поступать угрозы. «Я не могу себе простить, что адекватно не воспринимала ситуацию. 13 июля мы собрались и решили, что нужно вывезти Наташу. Она попросила неделю на то, чтобы закончить дела. Но этой недели у нее не было».

Елена Милашина отметила, что после смерти Анны Политковской именно Эстемирова стала основным человеком, через которого к правозащитникам (а потом и всему миру) попадала информация о происходящем в республике. «Все реальные усилия по привлечению к ответственности — это работа Политковской и Эстемировой», — подчеркнула журналист, заметив, что в середине 2000-х ситуация в Чечне существенно отличалась от происходящего сейчас. «С одной стороны, было ОРБ-2, с главой ко-

торого, Хасамбековым, боролся за влияние Кадыров. С другой — были чеченские адвокаты, которые отчаянно и смело защищали чеченцев, попавших в ОРБ-2, журналисты, которые писали об этом. И это совершенно другая ситуация по сравнению с тем, что происходит в Чечне сейчас. С введением институтов коллективной ответственности и индивидуальной ответственности (когда человек знает, что его «проступки» запятнают честь рода) чеченское общество стало гораздо более жестко управляемым», — отметила она.

«Я пыталась, чтобы она была максимально незаметной. Придумала ей для публикаций в «Новой» псевдоним «Магомед Алиев». И вот она летела из Грозного, и к ней в самолете подсел знакомый сотрудник чеченского министерства печати и говорит: «Наташа, слушай, а вот эта колонка в «Новой газете» за подписью Магомед Алиев. Я помню твои материалы в «Грозненском рабочем», очень похоже написано. Это ты, что ли?» Она и отвечает: «Да, это я!» Для нее это был больной вопрос. Она не скрывалась от ответственности и не пряталась. Она была очень смелым человеком», — подчеркнула Милашина.

Лана, дочь Натальи Эстемировой, вспоминала: «Она говорила: мы уже на дне, и единственный путь — наверх. Но, как оказалось, все могло быть намного хуже». Говоря о жизни после гибели своей матери, Лана Эстемирова заметила: «В тот день мне показалось, что моя жизнь остановилась и все мое существование прекратилось. Но жизнь продолжается, несмотря ни на что. Я рада, что спустя десять лет я стою в переполненном зале, и эти люди помнят мою маму, и им не все равно».

О самом дне убийства Лана говорить не смогла. Вместо нее это сделала актриса Чулпан Хаматова, прочитавшая отрывок из автобиографической книги Ланы Эстемировой «Пожалуйста, живи!», который физически передает сгущающийся ужас того дня.

О 15 июля 2009 года вспоминала и директор Центра анализа и предотвращения конфликтов Екатерина Сокирянская. В тот день она приехала в Грозный из Ингушетии, и, как отметила правозащитница, «возможно, моя машина встретилась с машиной, в которой везли Наташу». «Я встретила с коллегой, он говорит: Наташи все еще нет, телефон выключен. Позвонили в офис, и оказалось, что там уже звонили в Москву по этому поводу. Мы поняли, что надо искать, и стали прочесывать весь ее путь — от дома до работы. Когда мы подошли к ее дому, напротив стояла «Лада-Приора» с затемненными стеклами и номерами «КРА». Пассажиры — по виду сотрудники правоохранительных органов. Мы хотели уходить, но я предложила поговорить с водителями маршруток. Когда я с ними общалась, ко мне подошла очень напуганная девушка и рассказала, что видела из окна своего дома, как несколько человек утром схватили Наташу, потом добавила: «Извините, я не могу больше говорить» — и убежала. Это был единственный свидетель похищения. Мы пошли в полицию подавать заявление, и тут звонит Шахман [Акбулатов, глава грознен-

ского офиса «Мемориала»]: не надо писать заявление, Наташу нашли. — Живую? — Нет, мертвую», — рассказала Сокирянская. Она вспоминала, как уполномоченный по правам человека Чечни ничинно пытался шутить, что Эстемирову, мол, украли замуж, она вернется через две недели, как первый следователь по делу предложил ей сказать, кто, по ее мнению, убийца, и «не бояться», хотя, саркастически заметила она, «мы все понимали, от кого исходил заказ [на убийство]». Она рассказала, что Наташа последние несколько дней перед гибелью «сильно боялась», поскольку работала по «очень страшному делу» — делу о похищении чеченца Апты Зейналова. Он был обнаружен Эстемировой раненым в Ачхой-Мартановской больнице под охраной неких «неизвестных», а позже был вывезен из больницы и бесследно исчез.

Впрочем, по мнению Татьяны Локшиной, причиной гибели Натальи Эстемировой было ее интервью интернет-порталу «Кавказский узел». «Наташи нет, нет и очень многих людей, которых она пыталась защитить», — заключила она.

Александр Черкасов, со своей стороны, заметил, что первоначально расследование гибели Натальи Эстемировой шло достаточно хорошо. «Велись допросы, было видно, что следствие рассматривает несколько версий. А затем следственной группе была представлена единственная версия — что убил Наташу боевик Алхазур Башаев, также уже убитый (очень удобно для следствия — обвиняемый не возражает). Мотив — он якобы знал, что Наташа написала, что он вербует других боевиков. Потом некие боевики в грозненском СИЗО дают другие показания — приказ убить Наташу отдал Башаеву Доку Умаров, чтобы сорвать встречу Медведева с Ангелой Меркель», — рассказал он. Однако российские и французские правозащитники провели дополнительное расследование, взяли образцы ДНК у двух братьев Башаева, и сравнили результаты с материалами анализов ДНК убийцы (убийц) Натальи Эстемировой, сохранившихся у нее под ногтями, когда она царапала их, сопротивляясь. При сравнении выяснилось, что результаты не совпадают. На этом расследование, как отметил Черкасов, остановилось.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: 15 июля 2019 года Александр Черкасов и Светлана Ганнушкина и журналистка «Новой газеты» Елена Милашина вышли на Красную площадь.

Участники акции в футболках с портретом Эстемировой держали в руках три плаката (отсылка к фильму «Три билборда на границе Эббинга, Миссури»): «Правозащитница Наталья Эстемирова убила 10 лет назад», «Заказчики и убийцы до сих пор не найдены», «Как же так, господин президент?».

Фото Татьяны Локшиной

Портрет Натальи Эстемировой в холле «Мемориала».

Выступавшие на вечере: Лана Эстемирова, Светлана Ганнушкина, Оюб Титиев, Татьяна Локшина, Александр Черкасов. Фото автора

тиков почти полтора года под арестом и в местах лишения свободы, рассказал, что он познакомился с Натальей Эстемировой в 2001 году, именно она привлекла его к правозащитной деятельности: «Тогда, в 2001 году, летом, в селе Курчалой была очень жесткая зачистка. В течение пяти дней военные проводили обыски в домах, арестовывали молодых людей. Сотни человек были искалечены, еще пять человек были убиты. Конечно, местные власти отреагировали на это очень вяло. Наташа приехала в село. Мне довелось встретиться с ней. Мы вместе с коллегами — Александром Черкасовым, Олегом Орловым — прошли по домам всех задержанных, искалеченных. После этого еще были арестованы восемь человек в селе. И эти восемь человек были освобождены благодаря работе моих коллег, в частности Натальи».

такое, я же женщина, я его сильно старше. Кажется, ему это совсем не понравилось...» Наташа в большой степени оставалась школьной учительницей и разговаривала со страшными, увешанными оружием людьми как со школьниками, — подчеркнула Татьяна Локшина.

В интернет-издании «Медуза» Татьяна Локшина рассказывает: «Наташа погибла после того, как расследовала эпизод публичной казни в Курчалоевском районе. Мы об этой истории услышали, приехали в село, поговорили. <...>Я, конечно, своему начальству сказала, что есть такой материал, и хотелось бы опубликоваться как можно раньше. Но мое начальство на это любезно ответило: «Да, только выезжай сначала. Как только выедешь, сразу опубликуем». Я и выехала. А Наташа была там постоянно, у нее не было более безопасного времени. Она просто жила там, где мы все были туристы. Наташка дала интервью «Кавказскому узлу» от своего имени — хотя много раз обсуждалось, что именно этого делать никак нельзя. Но она не могла молчать, она не могла жить в состоянии глубокого подполья».

Она рассказала эту историю — и была убита фактически сразу. Интервью было опубликовано в тот день, когда я улетела обратно в Москву, а Наташа погибла на следующий».

➤ Окончание. Начало на с. 1

ТЕПЛЫЙ ЧЕЛОВЕК АЛЕКСАНДР ЛАВУТ

ный случай, когда классовая ненависть вдруг растворялась. Андрей Дмитриевич Сахаров тоже был стоек, доброжелателен и всегда вежлив. Но Саша был теплее», — подчеркнул Сергей Ковалев.

Известный диссидент Павел Литвинов, один из участников демонстрации против вторжения в Чехословакию в 1968 году, обратившийся к аудитории по скайпу, также отметил: «О своем втором деле, о допросах, о тех, кто давал на него показания [на процессах против диссидентов], он отвечал: «Да, я считал его хорошим человеком, но потом он дал на меня показания». Но даже в этом не было никакого раздражения. Претензии у Саши могли быть только к самому себе, у него шла постоянная внутренняя работа».

Принявший участие в вечере диссидент из Красноярска Валерий Хвостенко, чье выступление также транслировалось по скайпу, познакомившийся в Лавуте в начале 1970-х, вспоминал, что при первом знакомстве Александр Лавут несколько терялся на фоне остальных московских диссидентов. «Но, видимо, сказалось какое-то родство душ, и Саша в дальнейшем сыграл значительную роль в моей судьбе, это человек, на которого мне хотелось походить, с которым я сверял свою жизненную траекторию», — подчеркнул Хвостенко. Он также заметил, что визиты в семью Александра, «бывшую настоящим оазисом тепла и дружбы, это, возможно, самое лучшее, что было в моей жизни». Хвостенко вспомнил слова Лавута: люди делятся не на злых и добрых, не на хороших и плохих, не на умных и глупых, а на тех, кто открывает форточку в камере, и на тех, кто ее закрывает.

Член правления «Международного Мемориала» Александр Даниэль вспомнил о Лавуте и его соредакторе

«Хроники текущих событий» Юрии Шихановиче, отметив, что, несмотря на то, что это были два во многом разных человека, оба они были педантами в отношении к слову. «Как-то мы поспорили с Александром Павловичем на бутылку водки, что такое «авторизованный перевод». Я утверждал, что это вольный перевод, а он — что это перевод, согласованный с автором оригинала. Посмотрели в словари, и вроде как я оказался неправ. Потом это забылось, но сейчас я об этом вспомнил и решил покаяться. Но перед этим заглянул в Интернет и узнал, что, оказывается, у этого выражения есть два значения — одно соответствует Сашину мнению, другое — моему²».

Впрочем, на вечере говорили не только об Александре Лавуте, но и о странной повторяемости времен. «Сегодня в Москве аресто-

вали крымских татар, приехавших протестовать против несправедливого приговора. А как раз именно Александр Павлович много занимался делами крымских татар — еще с конца 1960-х. Если у «Мемориала» с тех пор есть связь с Меджлисом крымских татар, то это тоже заслуга Александра Лавута», — отметил Александр Черкасов. Координатор полевого правозащитного центра в Крыму Александра Крыленкова позже уточнила, что полиция задержала свыше 50 человек из 100 пришедших к зданию Верховного суда РФ протестовать против утверждения судом приговора нижестоящей инстанции нескольким крымско-татарским активистам. Им вменили в вину статью 20.2.2 КоАП РФ («Организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного по-

рядка»). Сергей Ковалев, со своей стороны, припомнил, как Лавут в одиночку подготовил специальный 31-й выпуск «Хроники текущих событий», посвященный крымским татарам, а позже сделал специальный сборник, посвященный крымским татарам, в рамках Московской хельсинкской группы.

Несколько своих песен в память об Александре Лавуте спела журналистка и бард Нателла Болтынская.

Достойным завершением вечера стал документальный фильм об Александре Лавуте, который представила его внучка Евгения. Она подчеркнула, что появление фильма стало возможно благодаря французскому журналисту Николаю Милетичу, сделавшему ряд протажных видеосюжетов с диссидентами (в том числе и с Александром Лавутом). Часть этих материалов позже вошла в фильм Милетича «За успех нашего безнадежного дела». «С разрешения Милетича я и мой сын Петя отобрали оттуда определенные материалы — рассказ деда о первом свидании, которое ему дали в лагере в августе 1981 года, рассказ бабушки, как она ездила к нему на это свидание, рассказ деда о провокации, с которой он столкнулся в лагере, о втором суде в Хабаровске (о котором известно гораздо меньше, чем о первом суде), о ссылке в поселке Чумикан Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края», — сказала она. Евгения Лавут также подчеркнула, что фильм снабжен субтитрами, поскольку Александр Лавут говорил хоть и отчетливо, но очень тихо. Фильм можно увидеть в записи вечера на канале «Мемориала» на YouTube.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

1. Александр Лавут был женат с 1951 года на Симе Мостинской, почти тридцать лет проработавшей в Вычислительном центре МГУ. Во время ссылки Лавута в поселок Чумикан Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края Мостинская приехала к нему в ссылку и жила там почти два года. Дочь Лавута Татьяна вместе с мужем Яковом Кронродом и детьми также приезжали навещать его в ссылку. Внучка Александра Лавута — киноактриса и художник Юлия Кронрод. Другая внучка, Евгения Лавут, поэтесса и супруга кино- и телепродюсера Евгения Гиндилиса.

2. Издательский Словарь-справочник А.М.Мильчина (Олма-пресс, 2003 г.) приводит только одно значение понятия «авторизованный перевод» — перевод, прочитанный и одобренный автором оригинального издания.

Но, фактически, у этого понятия есть второе значение. Перевод, в который внесены изменения, необходимые с художественной или иной точки зрения, представляющие возможность переводчику отчасти быть соавтором литературного труда. Так, в советское время такая авторизация была популярным стилистическим приемом перевода художественных произведений иностранных авторов.

На снимках: Сима Мостинская и Александр Лавут. Москва, начало 1960-х гг.

На вечере памяти: Сергей Ковалев, Александр Даниэль и Александр Лавут. Скриншот видеозаписи вечера. НИПЦ «Мемориал», Москва

Александр Лавут, 2010-е гг. Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

РЕГИОНЫ

НЕ БОЛТАЙ, А ТО ПОЕДЕШЬ НА АЛТАЙ

«В стране свободной трудовой
Людей считают за животных
И кормят их гнилой травой...»

С Житниковым Агапом Васильевичем я встретилась в Государственном общественно-политическом архиве города Кургана, изучая следственное дело № 4654 фонда 6905, опись № 2. Позже встретилась с его дочерью, нашла его учеников. История Агапа Васильевича характерна для того времени.

Агап Васильевич родился в 1917 году, в 1933 году поступил учиться в молочный техникум села Чаши. В 1935 году осужден по статье 58-10 на 3 года, отбывал свой срок на Алтае.

Вместе с Житниковым обвинение в организации контрреволюционной террористической группы было предъявлено еще трем студентам 2-го курса молочного техникума: Корознякову Александру

Степановичу (1911 года рождения), Фирсову Алексею Прокопьевичу и Кочурову Николаю Сергеевичу (1916 года рождения), — а также преподавателю Румянцеву Николаю Васильевичу (1900 года рождения). Им был вынесен приговор по статье 58-10: 3 года лишения свободы.

Из материалов дела, допросы видны, что студенты интересовались ситуацией в стране, высказывали мыс-

ли по поводу убийства Кирова, считали, что это сигнал к активной деятельности. Так, например, А.С.Корозняков после траурного митинга 2 декабря 1934 года сказал своим товарищам: «На одном убийстве товарища Кирова дело не остановится, террор будет продолжаться дальше. Вот бы еще убить товарища Сталина, Молотова, Кагановича, тогда партийное руководство пере-

едет к Зиновьеву и Каменеву, всему народу жилось бы лучше». Кроме того, студенты читали запрещенного Сергея Есенина, сами писали стихи. А преподаватель Н.В.Румянцев был сыном бывшего помещика — все это в те времена считалось основанием к осуждению и лишению свободы.

Одним из аргументов обвинения было стихотворение Агапа Васильевича Житникова «Золотое

время», написанное им в 1933 году. Строки из него — в эпиграфе к данной статье.

Спустя какое-то время после ознакомления с их делом мне попадает газета «Сельская правда» от 23 марта 2017 года, № 12, в которой Баранова Людмила Агаповна пишет о деревенских талантах села Житниковское Каргапольского района Курганской области. В своей статье «Стихи — птицы сердца» она пишет о поэтах Надежде Рождественской, Евгении Соснине, Анатолии Бурцеве и также несколько слов о своем отце: «Мой отец — учитель русского языка и литературы Агап Васильевич Житников, который вдохновил и поддержал парнишку в его творческом желании слагать стихи (о Е.С.Соснине). Мой отец действительно был поклонником и ревностным хранителем поэтического богатства. Он покупал и бережно хранил

Окончание на с. 9

На снимке: Агап Житников, фото из арестантской карточки, 1935 г. Москва

В 1920 году в городе Царицыне² была арестована почтовая служащая Вера Петровна Шепелева. Во время обыска в ее квартире сотрудники угрозыска обнаружили дневник, «который содержал изругательства над Советской властью и красноармейцами».

Крамольные записи девушки были переданы чекистам, те обвинили Шепелеву в контрреволюции и отправили ее до суда в городскую тюрьму. Реабилитирована она была только в 1993 году.

Читая в архиве дневники влюбленной девушки поражаешься абсурдности обвинения - в них нет ничего, что могло быть истолковано как «изругательства», только личные переживания на фоне исторических событий.

2 апреля 1920 года в кабинете временно исполняющего обязанности заведующего Царицынским губернским угрозысском Ильи Ефанова сидела двадцатидвухлетняя девушка, почтовая служащая, уроженка Рязани Вера Петровна Шепелева. На столе Ефанова лежало недавно заведенное уголовное дело № 175 по факту кражи вещей из квартир ответственных советских работников Андрейчука и Фролова во время отступления белых кадетских банд из города. Андрей Григорьевич Андрейчук в своем заявлении пояснял, что он, как сотрудник Царицынского отдела труда, во время осады города белыми 27 июня 1919 года был откомандирован в Саратов, где работал в том же ведомстве. Семья его выехала в эвакуацию еще раньше - 12 июня.

За их квартирой присматривали соседи Фроловы. Жена сотрудника квартирного отдела Фролова сообщила в своей жалобе, что ее муж также был эвакуирован. Она же с тремя малолетними детьми осталась в занятом Врангелем Царицыне из-за болезни матери. В январе 1920 года началась осада Царицына красными войсками. Женщина с детьми и матерью была вынуждена переехать из своей квартиры в дом брата, проживавшего недалеко от Нобелевского завода.

«Стрельба началась. Мы переехали. Квартиру заперли. Через два дня стрельба успокоилась. Поехала, посмотрела квартиру - все цело. Вернулась к брату. Через день приехала опять со снохой Сатановской. В квартире горело электричество, хотя я его выключала, когда уходила. Зашли в квартиру - беспорядок, сундук открыт. Вещи украдены», - писала в заявлении женщина.

Соседи рассказали Фроловой, что вещи забрали Шепелевы и Иван Никитин. Фролова пошла к Шепелевым, проживавшим в доме № 75 на улице Свирской³, и обнаружила там свой комод и часть вещей.

Пятидесятичетырехлетняя мать Шепелевой Александра Макаровна призналась агенту угрозыска, что зыла вещи Андрейчука и Фроловых, так как «во время изгнания из города казаков боялась, что эти вещи растаскают грабители». Она сообщила, что знала Андрейчука и Фроловых, поэтому «взяли их вещи для сохранности». Ефанов зачитал Вере Петровне показания заявителей и ее матери и спросил, что она может пояснить по этому делу.

КРАМОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК ДЕВИЦЫ ШЕПЕЛЕВОЙ¹

«Вещи забрали мама с сестрой Екатериной. Я была на занятиях. Отец на работе. Когда я пришла домой, увидела эти вещи. Мама сказала, что, когда хозяева вернутся, мы их вернем», - пояснила Вера Петровна.

4 апреля сотрудники угрозыска провели обыск на квартире Шепелевых. Они обнаружили у них шесть венских стульев, три графина, три медные кастрюли, письменный стол, посуду и одежду. Все эти предметы быта принадлежали советскому работнику Андрейчуку. Помимо чужих вещей, агенты провели выемку писем и бумаг Шепелевых. Среди них Ефанов обнаружил любопытный документ - дневник Веры, написанный в виде писем к ее возлюбленному другу Вене - Венедикту Ефремовичу Прошину. В мае 1919 года он был откомандирован в село Малое Шербедино Балашовского уезда Саратовской губернии для работы в должности заведующего почтовым отделением. Сотрудники угрозыска с большим интересом прочли эти письма и обнаружили в них, помимо любовной лирики, несколько контрреволюционных высказываний. В тот же день девушку вызвали на допрос и потребовали объяснить значение некоторых фраз из ее дневника. Появление в письмах выражения «красные черти» Вера Петровна объяснила ее «тогдашним настроением».

«Была столько времени под снарядами, и не изнервничаться было бы чудом. В порыве гнева и под страхом вырвались эти слова», - призналась девица Шепелева.

Критику действий большевистских властей в городе девушка объясняла тем, что, работая на советскую власть на почте, она была «недовольна администрацией, так как не было продовольствия и мануфактуры».

«Я не признаю себя виновной в контрреволюции, так как не сделала своими записями никакого вреда Советской власти», - заявила Вера Шепелева сотруднику угрозыска.

«Ваш дневник мы передаем в чека. Пусть они с вами разбираются», - возразил девушке Ефанов.

6 апреля он вынес распоряжение об аресте Веры Шепелевой. Впрочем, уже спустя неделю девушку отпустили на свободу под подписку о невыезде. 3 июля к членам семьи Шепелевых, обвиняемым в расхищении вещей ответственных работников, была применена амнистия. А вот по факту контрреволюционных высказываний в дневнике-письмах Веры Петровны чекисты завели новое уголовное дело № 403. 15 июля девушку вновь арестовали и отправили в Царицынскую тюрьму.

Дневник-письма Веры Шепелевой оказался любопытным источником информации не только для царицынских чекистов. Он представляет также большой интерес и для историков Гражданской войны, так как содержит в себе красочные описания повседнев-

ной жизни обывателей Царицына в условиях двух осад города: войсками Врангеля (май-июнь 1919 года) и Красной армии (декабрь 1919 года - начало января 1920 года). Приведу некоторые интересные выдержки из ее дневника.

Первые страницы, датированные второй половиной мая 1919 года, содержат пояснения: дневник представляет собой письма возлюбленному Вене, который воскресным утром 18 мая на пароходе отбыл в Саратовскую губернию в долгую командировку. Так как почта работала плохо и связь с молодым человеком была совершенно нарушена, девушка стала писать ему каждый день письма «в стол». Вера планировала отправить возлюбленному все свои послания в одном пакете, когда почтовая связь наладится, или вручить их ему лично, когда он вернется домой. Венедикт эти письма так никогда и не увидел, так как они остались навеки в материалах уголовного дела.

«Веня, буду понемногу писать, что со мной происходит. Мне тогда будет легче, как будто бы я поговорила с тобой», - писала девушка другу в своем первом неотправленном письме, датированном 24 мая. Она сообщила, что в этот день погода испортилась - пошел дождь, но непогода компенсировалась новым назначением на работе. Теперь она помощник бухгалтера на почте. Девушка пишет Венедикту о своих переживаниях - она рыдала, скучая о нем: «Тоска такая, что бросилась бы в окно».

25 мая. «Первое воскресенье без тебя. Ветер. Тучи. Дождь. Адская погода. На душе у меня адская тоска... Со вчерашнего дня, как пришла с пристани, идет дождь. Но это к лучшему, так как гулять мне уже незачем, мои денки прошли... Погадала на тебя на картах».

26 мая. «Завтра будут разыгрывать вещи [в конторе] - сапоги, калоши. Хотя бы мне досталось... Идет дождь. Я в странном состоянии, будто я не человек, а автомат. Как без тебя скучно, тяжело в разлуке».

27 мая. «В клубе Коммуны лекция «Колчак, женщина и революция». Читает Литвиненко. Обещают после лекции показать миниатюру Тэффи».

28 мая. «Ну, конечно, и лекция была! Больше не пойду туда. Миниатюры Тэффи не было. Прямо Литвиненко начал говорить какую-то чепуху. Спать [на лекции] хотелось, и мы ушли на Волгу. На пристань сходили, где тебя провожали. Литвиненко сказал на лекции, что в Царицыне (нечего скрывать) запахло порохом. И нас теснят со всех сторон. И правда, слышны орудийные выстрелы... Сегодня, когда обедали, пролетел с свистом снаряд. Окна задрожали... За Волгу [на прогулку] не с кем ехать... Знаешь, я тебе все буду говорить. Тут у нас в квартире один саратовский интересовался мною: рассказывает, кто я, как звать, какое образование получила и все такое. Чудак... Гадала на картах, и нехорошо для

меня выходит. Все какая-то крестовая дама около тебя, а ты ею интересуешься».

7 июня. «Приказ в конторе явиться к 11-00 с багажом. Ночевали в конторе. Орудия бухают уже очень близко. У нас стекла в окне дрожат».

8 июня. «Ах, Веня, как же тоскливо. Я никак не могу забыть тебя, а все больше и больше тоскую. Милый, за что я тебя так полюбила? И сама не знаю. Приехал знакомый с ваших мест. Я его спросила, хорошее ли у вас там село и много ли барышень. Он ответил, что <...> много учительниц и вообще интеллигенции. И я начинаю ревновать. Хотя у меня недостатка нет в поклонниках, но я тебя и только тебя люблю и никогда не забуду. Знаешь, Веня, Громов пользуется твоим отсутствием и начинает ухаживать за мной».

14 июня. «Мы уже на барже в трюме. Погрузились, и все казенное имущество погрузили. Но нас не отпустили. Ночевали в конторе».

В следующих письмах девушка сообщает, что на барже их эвакуировали в Балыклей. Не указано, правда, в какой Балыклей - Горный, Верхний или Нижний⁴. 22 июня она сообщает о трагедии:

«Когда стояли, у нас случилось несчастье. Утонула, упав с баржи, машинистка Серафима Задвонова... Выгрузили баржу мужчины, а мы, женщины, только так, болтались там...»

Спустя несколько дней Вера возвращается из эвакуации домой - в осажденный белыми Царицын.

28 июня. «Пролетел аэроплан [белых] над вокзалом, разбросал прокламации. Наши стали по нему стрелять. Они ответили пулеметным огнем. Пули сыпались, как дождь, билось о мостовую и высекали огонь. Мы спрятались в чей-то дом... А сколько за эту неделю жертв. Налеты каждый день. Аэроплан сбросил две бомбы. Одна упала на Донской улице (современная улица Пархоменко. - Прим. В.Я.). Попала в дом. Нашего служащего Чебана ранило в живот. Наверное, умрет. И еще убило мужчину и женщину. Теперь опять аэропланы появились над нашим домом. Бомба упала недалеко от нас... В пятницу аэроплан сбросил бомбу около вокзала. Видела это по дороге к конторе. Хотел в вокзал [попасть], а попал в железнодорожный ревком. Говорят, много убитых. Видела раненых и одного убитого. Убит мужчина. Все мозги вылетели и лежат около двух больших кучами. Лицо все в лепешку смято. А рядом лежит девушка. У нее весь живот разворотило и кишки выпали оттуда. И нога одна перебита. И представь, она в сознании машет руками и переворачивается на другой бок, просит помощи. Ужасный вид... Писем от тебя нет. Бегаю по квартире, как зверь в клетке, не нахожу себе места».

29 июня. «С пяти часов утра начали рваться снаряды. Пять часов воздушный бой, и наши [красные] уходят. Обоз уже около Царицына, и нас в бинокль видно. Уж, наверное,

Красный Царицын падет. Можешь себе представить? Я пишу, а над нашим домом - бух з-зззз - бух з-ззз, а пулемет: тратата тата. Невольно ужас охватывает душу. Думается, что живу последние дни. Неприятель подвел к Царицыну танки и тяжелую артиллерию и бьет по студенческим казармам. И снаряды свистят над нашим домом. Не могу писать... Аэроплан бросил на нас бомбу. Дом дрожит. Мама надевает на нас кресты. Ведь я сколько лет хожу без креста, а говорят, что неприятель рубит всех, кто без крестов, считает того коммунистами... Наблюдатели, точно колбасу, привязал к пароходу аэростат, и с него видят далеко. В него [в аэростат] стреляют. Пароход уходит вверх по Волге, и снаряды так и рвутся... У вала у студенческих казарм батареи [красных] бухает. Снаряды свистят. Сейчас прибежал солдат с фронта, говорит, наших на позициях никого нет. Все бежит. Неприятельская кавалерия на Владикавказском вокзал. Уже кадеты вошли в город. Ох! Теперь снаряды рвутся недалеко от нас. На Сергиевской церкви стоит пулемет... Ставни закрыты. Огня нет. Пишу в темноте. Сейчас проскакал Жлобенский отряд. Пока сенсационных новостей нет. Мы всей семьей собрались в столовой».

30 июня. «Вчера весь день была бомбардировка. Шел сильный дождь. Солдаты бежали, говорили, что не видели еще такого боя. Говорят, все от Садовой до Бекетовки усеяно трупами. Ночь прошла как будто благополучно. С утра зато началось. И вот теперь около восьми часов вечера все в городе закрылись и сидят в подвалах. По нашей улице даже ружейные пули летят, так что сидеть на улице опасно. Пулеметы трещат. На монастырской площади рвутся снаряды и даже в наш квартал попадают. Наша батарея стоит на Батыевом валу».

17 июля (возможно, дата по старому стилю). «Казаки в городе. Ночь мы крепко спали, а в это время они вошли в Царицын и перед вечером вошли. Звонили в колокола. Вероятно, давали знаки условные. И познали красных за городом. В городе тихо и спокойно. Пошли было в контору, а там канцелярия занята, а в телеграф не пускают - казаки стоят у входа. Дежурные в окно глядят, просят принести хлеба. Как раз Женя Юдаева дежурила... Выдавали жалование (полторы тысячи рублей). На улицах стоят патрули в касках. У них французское обмундирование. Перед Гоголевским садом стояла вышка для ораторов с портретами красных вождей. Ее рубят и жгут. Жителям уже выдали пшеницу. А утром рано на полотне железной дороги с вагона давали по целому хлебу. Только Губанов магазин растащили».

24 июля. «Получили жалованье. Как получили, пошли в кондитерскую к Себелю. У нас уже все здесь есть: базары огромные. Но и жалованье будут платить меньше. Хотя и весело жить теперь, но я не могу забыть тебя, а потому не могу «кружить любовь» ни с кем, а было бы можно: три сослуживца у меня в поклонниках... Собрался идти на пристань. Там азиатский поезд кино показывает, устраивает концерты. Я хожу гулять с Ольгой Крупет и с машинисткой. К нам поставили [квартирантом] одного поручика, но он не очень интересный, мне не нравится. Ах, Веня, я уже потеряла надежду тебя увидеть. У нас газета «Неделимая Россия». Пишут, что скоро Саратов возьмут».

20 августа. «Отец уехал куда-то добровольцем. Приехал. Привез своего командира большого. Обсуждают вопрос об эвакуации с семьями...»

22 декабря (по старому стилю). «Вот уже два дня, как красные черти заняли город, этот город, который был такой оживленный, а теперь мертвый город, потому что казаки при отступлении взорвали все - и водопровод, и электростанцию, и телефонные станции, и телеграф, и все мосты. Ну, одним словом, все общественные здания. Вчера было тихо, а сегодня опять гремят где-то орудия. Казаков окружили где-то у Сарепты,

и не знаю, что-то будет: пробьются они или нет. Я сейчас чувствую то, что может чувствовать человек, осужденный на вечную каторгу. Некоторые наши служащие хотели уехать, но их красные захватили и обобрали до нитки. Появился приказ о том, чтобы все служащие явились на свои места и зарегистрировались. У нас в (неразборчиво) появились опять Фок и Фочка (неразборчиво). И бывший комиссар Мутковкин закатил речь, которую, конечно, никто не понял. Записались мы все, кто остался. И многие жалеют, что не уехали, в том числе и я. Я с удовольствием бы уехала опять в Белую Глину, но не могла оставить маму, потому что у нас в семье такое горе. Дунечка застрелилась 16 ноября. Саша в белой армии, да еще бы я уехала на неизвестное время, может быть, навсегда. Я пишу, но сама не уверена в том, попадо или нет это послание. Во-первых, потому что я думаю, что ты уже не любишь меня — изменил или забыл меня, так что напрасно я буду тебя тревожить своими письмами. Во-вторых, неизвестно, когда наладится сообщение. В-третьих,

несколько ранили, но у нас никто не пострадал. Мы с Шуркой Катаевой сидели под вагоном и, конечно, смеялись. Ты знаешь, я не из трусливых, а Шурка тоже. И так мы стояли чуть ли не неделю, так что страшно надоело, хотя мы там и завели знакомство с офицерами. И вот в воскресенье я и Анька Старостина поехали на трамвае домой. В трамвае мы договорились ждать друг друга, если поезд наш отойдет, чтобы идти пешком. Приехала домой, пообедала, вернулась на станцию, а поезд наш ушел уже, и Аньки нет. Хорошо я встретила там одного знакомого чиновника... Поезд стоит в Ельшанке и поедет еще завтра. Ну, я поехала опять домой. Приняла ванну, напилась чаю, отдохнула. Вечером он [знакомый чиновник] зашел за мной, и мы пошли пешком в Ельшанку. Прихожу, Анька уже там. Она тоже пошла пешком со знакомым чиновником. И так мы на каждой станции стояли подолгу. Но и весело проводили время. В Жутово на вокзале плясали вместе с офицерами (поезд их тоже там стоял). Наконец-то привезли нас в Тихорецкую за 500 верст

ное. Прости, я, право, не знаю, с чего начать. Быть может, дня через два нашей семьи не будет в живых. Уже какой-то комиссар обещал нам всем виселицу и хотел перестрелять всех. Только чудо может нас всех спасти. Знаю, что если погибнем, то без вины. Состояние у меня сейчас ужасное. Быстрее бы кончилось, что ли, отвели бы за кирпичные сараи... Петя [брат] с утра ушел из дома, еще ничего не знал. И до сих пор нет [брата] уже пять часов. Может быть, арестован. Ужасно быть в неизвестности. Что-то в последнее время над нашим домом несчастья разрастаются за несчастьями. Это письмо я положу в конверт, если меня не будет в живых, то, может быть, кто-то перешлет. Если останусь в живых, то с этим письмом и другие тебе отправлю...

В папке уголовного дела было подшито и письмо Вени. Видимо, одно письмо от него все же дошло к возлюбленной. Послание не датировано, но, скорее всего, написано в июне 1919 года: «Месяц как я здесь. Не получал письма от тебя. Твое молчание меня просто бесит. Если бы знал все это, лучше бы умер с голоду в Царицыне, чем жить здесь без тебя. Скука-тоска невыносимая. Все так противно. Ставятся спектакли драматического кружка. Местная интеллигенция интереса не представляет. Живу на квартире у бывшего лавочника. Хлеб для служащих по два пуда в месяц по твердой цене 15 рублей [за пуд]... Приезжай. Пора закончить с этой злой игрой. Встречу [тебя] в Романовке. Можем сто раз познакомиться и приехать вместе».

На допросе 16 июля Вера Шепелева сообщила чекисту, что ее друг Венедикт Ефремович до сих пор работает в Саратове, возможно, в губернском отделе почт и телеграфа. 19 июля следователь Царицынского ревтрибунала Баранов вынес Заключительное постановление по делу № 403, в котором нашел доказанным, что почтовая служащая Вера Шепелева во время отступления кадетских банд из Царицына и прихода Красной армии «вела запись дневника, в котором было написано изругательство над Советской властью и красноармейцами», а также был установлен факт ее эвакуации из города с белыми. Далее следовал вывод: «Принимая во внимание, что гражданка Шепелева не вела агитацию между других лиц и также не вручала своего дневника никому... ввиду того, что дело не является опасностью для Советской власти, предлагаю к гражданке Шепелевой применить амнистию в честь 1 мая 1920 года». 23 июля Царицынский ревтрибунал подтвердил предъявленные Вере Петровне обвинения, но, признав их неопосредованными, согласился с мнением следователя Баранова, и девушка вышла на свободу.

Эта история имела свое продолжение в 1993 году. Прокурор Волгоградской области А.Д.Ермолаев, руководствуясь Федеральным законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», реабилитировал Веру Петровну Шепелеву, признанную ревтрибуналом виновной. Правда, родственники Веры Петровны об этом не оповестили, так как сотрудники прокуратуры не смогли их найти.

Вячеслав ЯЩЕНКО,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. По материалам уголовных дел № 175 и 403. См.: ГАВО. Ф.Р-141с. Оп. 1с. Д. 563. Л. 1-3, 7-36, 54, 65, 68, 72.
2. Царицын-на-Волге — современный Волгоград.
3. Современная Заполотновская часть Центрального района Волгограда.
4. Села располагаются на берегу Волги между современным Волгоградом и Камышином.

На снимках: На открытках с видами Царицына 1919-1920 годов — Почто-телеграфная контора города, пристань на Волге. Из архива автора.

Страницы дневников Шепелевой, хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области, перенесены автором при подготовке материала.

ЗАХОДИТЕ В ВАГОН, ПОЕЗД ОТПРАВЛЯЕТСЯ

Они дружили с первого класса. Одна чеченка, другая ингушка. У них даже имена были похожи: Зина и Лиза. Учились в грозненской школе № 7, жили по соседству. Лиза была лидером и в классе, и среди уличной ребятни, Зина — тихоней-отличницей, у нее можно было списать домашнюю работу по физике или попросить написать за тебя реферат по творчеству Есенина.

После школы Зина поступила на исторический факультет Чечено-Ингушского университета, Лиза уехала во Владикавказ, стала студенткой мединститута. Однако, хотя девушки учились в разных вузах и в разных городах, они не переставали дружить. Лиза вернулась в Грозный и стала работать врачом, а Зина с головой ушла в научную работу. Подруги практически в один год вышли замуж, у них родились дети. Потом была война — одна, вторая. Лиза первой покинула разрушенный город, обосновалась в Питере. Стала уговаривать переехать и Зину, даже нашла ей работу.

Зина приехала, познакомилась со своими будущими сослуживцами, мы даже нашли ей квартиру рядом с университетом, где продолжили бы обучение ее сыновья, — рассказывать мне их обшая подруга Рая. — И вдруг узнаю, что Зина срочно уехала и переезжать в Питер не будет. Я к Лизе — что случилось? В ответ: «Я ничего не хочу о ней слышать». Я обомлела. Но то, каким тоном эту фразу произнесла Лиза, оставило меня от дальнейших расспросов. И только спустя несколько дней узнаю от Лизиной племянницы, что произошло между ними.

Было это в канун 23 февраля, печальной для чеченцев и ингушей даты. Естественно, в разговоре коснулись темы выселения, тем более что Зина давно занимается вопросами депортации и даже хотела сделать то ли сайт, то ли передачу на ТВ, что-то типа радиопередачи Агнии Барто «Найти человека», чтобы найти детей, которые в годы депортации попали в детские дома и получили русские имена и фамилии.

Лиза же стала вспоминать рассказ бабушки по отцовской линии о том, какие лишения испытывала семья деда, пока добиралась до места ссылки в Киргизию, и что сама бабушка в пути тяжело заболела и чудом осталась жива. И тут Зина, уточнив фамилию прадеда Лизы, сказала, что вся родня бабушки, и старшие, и младшие, испытывали лишь те трудности, которые могут испытывать люди в пути, находясь в литературном вагоне, а Лизину бабушку в пути лечила врач-армянка, которую сотрудники НКВД выдернули из дому поздно ночью, не объяснив, куда и на сколько. Прадед Лизы был полковником Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) — фигурой государственной важности, поэтому ему и, конечно, его родным предоставлялся литературный вагон.

Лиза стала кричать, что это наглая ложь, которая родилась в кабинетах

спецслужб для того, чтобы рассорить между собой чеченские тейпы и чеченцев с ингушами, вбить клин между двумя народами. И если Зина в это верит и считает, что в ссылку отправляли одних в телятниках, а таких, как ее предки, в литерных вагонах, то Лиза отказывается считать своей подругой такого человека. В тот же день Зина уехала из Питера.

Пересказывая мне все это, Рая так же, как и Лиза, сомневалась, что во время депортации было разделение народа на простых и элиту, что одних отправляли в ссылку в телячьих вагонах, а других в пассажирских поездах.

— Ты сама знаешь что-нибудь об этом? — обратилась она ко мне.

Я не знала.

Спустя время я рассказала об этом случае Марьям Яндиевой.

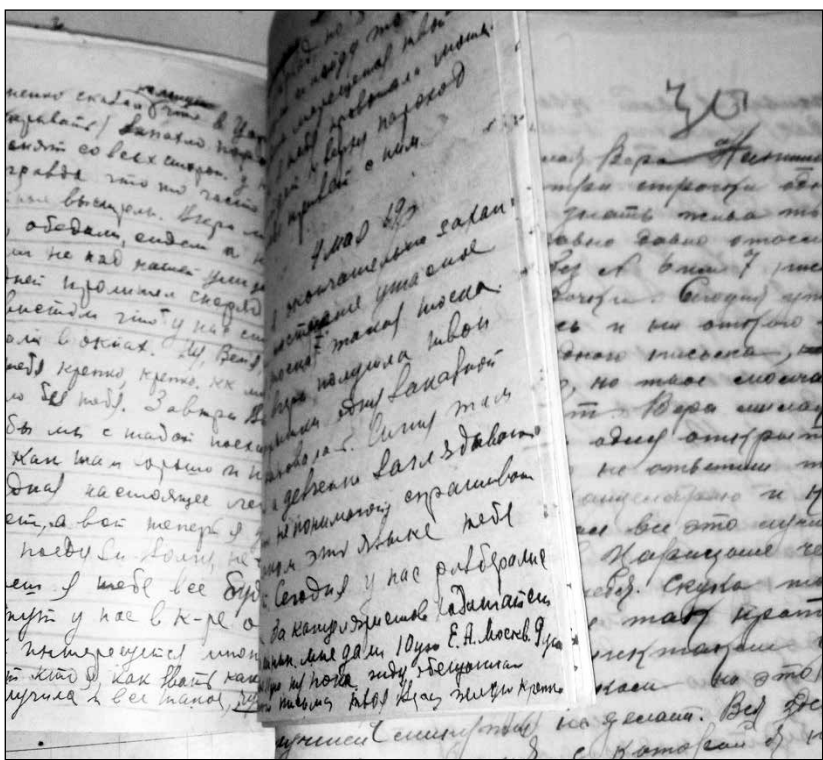
— Напрасно твоя знакомая погорячилась и поссорилась со своей подругой. Та сказала правду. Сотрудники НКВД и НКГБ, партийно-советская элита, духовные лица, сотрудничавшие с органами, — все они отправлялись в ссылку в спальных вагонах. А особо важные персоны — в литерных. В плацкартных отправляли работников культуры, писателей. Мой папа поэт Джамалдин Яндиев и его семья тоже ехали в ссылку не в телятниках, а в плацкартных вагонах.

... О том, что будут выселять чеченцев и ингушей, ходили слухи с того самого дня, как депортировали калмыков. Но в Чечено-Ингушетии, хотя республика была наводнена войсками, разговоры о депортации жестко пресекались вплоть до арестов. Работали все в обычном режиме. Работали на фронт промышленные предприятия, дети ходили в школы, а студенты — на занятия в нефтяной и педагогический институты. Выпускались газеты, литературные альманахи, по радио звучали обнадёживающие сводки Совинформбюро.

13 февраля 1944 года в Москву по запросу Союза писателей СССР отправлен отчет о работе в военные годы писателей и поэтов Чечено-Ингушетии, подготовленный Союзом писателей ЧИАССР. В нем говорится, что Джамалдин Яндиев выпустил сборник стихов, «посвященный героической работе советского тыла и героям Отечественной войны», а Нурдин Музаев написал поэму о героях обороны Сталинграда «Отважные сыны». Поэма посвящена политрукам Билалу Сапаеву, Ибрагимму Оздоеву и Зелмихану Междову, которые погибли, защищая Родину, а также трижды орденноносцу Мавлиду Висайтову, майору Алханову, сержанту Ахмадханову и др. Кроме того, Музаев написал 17 новых песен о Родине, о Сталине, о Герое Советского Союза Ханпаше

Продолжение на с. 8, 11

На снимке: Рисунок Джамали, одной из учениц детской школы искусств Шелковского района Чечни, на выставке «Преодоление». Элиста, Калмыкия, 2011 г. Фото Данары Чурюмовой для интернет-издания «Кавказский Узел»

буду ли я еще жива. Теперь все живем под страхом смерти. Я уже написала тебе два письма, но они лежали не отосланными и пойдут вместе с этим при первой возможности. Как хотелось бы поговорить с тобой и как много имеется сказать. В первом письме я закончила словом о том, что служащие Царицынской конторы эвакуировались, но что я еще не решила, ехать мне или нет. Запечатала конверт и в тот же день собралась и отправила свои вещи в вагоны, которые дали нам для эвакуации. Эвакуировались у нас настями, и я поехала в числе последних. Нам дали три вагона-теплушки. Из них один мы, женщины, взяли, обустроились там хорошо, в сравнении с теми двумя, в которых помещались и семейные, и молодежь. А нам молодежь устроила нары, доски для которых стояли из депо. В вагонах мы еще стояли на Юго-Восточной станции четверо суток. Вечерами собирались и устраивали танцы, пение. В это время на станции и около Яблонева магазина повесили двух за взятничество. Нам уже надоело жить в вагонах около своих домов и когда других отправляют, а мы стоим без толку. Каждый день летали аэропланы красных и бросали бомбы... Но наконец и нас отправили. Уже мы думали, что едем в Ростов, как говорили, но нас отвезли на Владикавказскую станцию и поставили — линии все были забиты, и поэтому приходилось ждать целыми днями. Сколько ужаса мы испытали на Владикавказской станции. И бомбу аэроплан сбросил, когда мы спокойно сидели уже вечером в кружке и пели, кто-то играл на скрипке. И вдруг — бух! Около вагонов. Все разбежались кто куда. Кто под вагоны, а кто под дошки (там леса сложены). В нашем эшелоне ехало много солдат. Ну, вот они почевали под открытым небом, и у них

от Царицына. Стояли там неделю. Вдоволь поели фруктов. Они там дешевые. Например, персики — два рубля, сливы — два рубля. Весело проводили время. Ходили гулять на вокзал. Наши три вагона ближе всех стояли к вокзалу. Затем наши три вагона повезли назад в Белую Глину и поставили нас. Это ночью было. Утром проснулись мы от какого-то стука — аэроплан летит. Но это оказалось, что рядом с нашими вагонами стоят вагоны-мастерские радиотелеграфного дивизиона. Познакомились с рабочими этих мастерских. Так, от скуки. Эти рабочие казались нам такими пайныками. Между ними есть студентов трое-четверо. И веселые такие. Затем железнодорожной администрации потребовались вагоны, и нас попросили выселиться в какие-то бараки. Некоторые там жили, пока начальство не нашло квартиры. Ну а я с двумя подружками-чиновницами в тот же день нашли себе квартиру на окраине села и другие тоже в разных концах села. Но когда вечер, собирались около нас и уходили далеко в поле. Приходила молодежь парами. Затем нас провожали все — и барышни, и молодежь. И уже от нас расходились домой... Затем штаб потребовал служащих-телеграфистов 20 человек. Я попросила, чтобы меня назначили, а приехали [в штаб] — опять эвакуация. Но нас оставили в штабе. Нас оставили в центре, где был телеграф, — целый месяц жили там... Опять голод будет. Может быть, и до весны не доживу. Дойдут ли тебе письма? И потом во мне все больше и больше усиливается уверенность, что я забыта тобой... Когда восстановится сообщение, может быть, я и раздумую послать их [письма] тебе».

25 декабря. «Хотела закончить, но надо облегчить себя хоть немного. У нас в доме настроение ужас-

ЗАХОДИТЕ В ВАГОН, ПОЕЗД ОТПРАВЛЯЕТСЯ

➤ Продолжение. Начало на с. 7

Нурадилдове. Эти песни включены в репертуар Госансамбля. А также Музаев с Магомедом Гадаевым перевели Гимн Советского Союза на чеченский язык, а Хаджи-Бекир Муталибов с Яндиевым и Озиевым — на ингушский.

Поэты пишут стихи, в театре идут спектакли по пьесам, написанным местными писателями. В школах готовятся к празднованию Дня Красной армии. Но судьба двух вайнахских народов и республики была уже решена.

29 января 1944 года нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», а 31 января вышло постановление Государственного Комитета Обороны о депортации чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля он издал приказ по НКВД о депортации чечено-ингушского населения. На следующий день он встретился с руководством республики и высшими духовными лидерами, предупредил их об операции и предложил провести необходимую работу среди населения. Об этом Берия докладывал Сталину: «Было доложено председателю СНК Чечено-Ингушской АССР Моллаеву о решении правительства о выселении чеченцев и ингушей и о мотивах, которые легли в основу этого решения. Была проведена беседа с наиболее влиятельными в Чечено-Ингушетии высшими духовными лицами Б.Арсановым, А.-Г.Яндаровым и А.Гайсумовым, они призывались оказать помощь через мулл и других местных авторитетов». Об этом пишет Александр Божедомов в своей книге «Выселение ингушей и чеченцев. Архивная хроника: январь 1943 г. — январь 1944 г.»

Все партийно-хозяйственные работники, влиятельные священнослужители знали точную дату депортации, но боялись разглашать ее под страхом наказания. Однако утечка информации была, и чаще всего от военных. Абдул-Гамид Тангиев в своей книге «Тяжелый век» вспоминает: чтобы заставить людей поверить в то, что никакого выселения не будет, к домам влиятельных священнослужителей подвозили в большом количестве стройматериалы. «Разумеется, сделано это было бесплатно. Священнослужители, конечно, знали об истинных целях этой акции, но сказать об этом публично не могли, не решились. Они хорошо знали истинную цену режима, который затеял этот спектакль. Его авторы достигли цели: массы отвергли правду о готовящейся над ними расправе».

Ни в период подготовки операции «Чечевица», ни во время самой спецоперации не было публично протеста. Профессор Александр Божедомов в своей книге писал: «План Берии на устрашение людей сыграл свою роль в отношении руководителей республики: в момент выселения они не выступили против произвола Сталина и Берии. Точно так же поступили и влиятельные шейхи, связанные к тому же агентурными контактами с НКВД и НКГБ. И руководители республики, и шейхи в момент выселения, как узнаем позже, были отправлены в Казахстан и Киргизию не в товарных, телячьих вагонах, а в пассажирских и даже в мягких вагонах. Принцип «разделяй и властвуй» сыграл свою роль в роковом феврале 1944 года».

Документ Чечено-Ингушского обкома КПСС.

«Особый сектор. Особая папка № 7. Справки и докладные НКВД по борьбе с бандитизмом и списки религиозных авторитетов и мусульманского духовенства на территории ЧИАССР. Дело начато 10 января

1944 года. Окончено 16 февраля 1944 года. Листов в деле 12. Совершенно секретно. Список религиозных авторитетов Чечено-Ингушетии, которые, принимая участие в ликвидации, могут быть использованы на спецмероприятиях.

Священнослужители: Абдул-Хамид Яндаров, наследник шейха секты «Солса-Хаджи»...

Баудин Арсанов — наследник шейха «Дени Арсанов»...

Кази-Мулла и Товси-Мулла Гантемировы...

Тагир Гайсумов — авторитет секты «Кунта-Хаджи»...

Сотрудничая с НКВД в борьбе с бандитизмом, двое из них были награждены правительственными наградами — орденом «Знак почета» и медалью «За отвагу».

Докладная подписана замнаркомом безопасности ЧИАССР майором госбезопасности Шалоником и завизирована секретарем Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) Ивановым.

Из донесения НКГБ в Москву: «Связанные с нами религиозные авторитеты по нашему указанию, используя свое влияние в массах, на молитвенных встречах во время намаза или просто в беседах стараются убедить людей, что никаких перемен в жизни чеченцев и ингушей не будет, что прибывшие в республику войска, размещаемые по селам и аулам, в общественных зданиях и домах горцев, имеют к населению самые мирные намерения, готовятся к своим учениям в горах», — пишет в своей книге «Выселение ингушей и чеченцев» Александр Божедомов.

«Ночью с полковником Гуковым пошел к Кази-Мулле Гантемирову. Постучали в ворота. На стук отозвалась женщина, которая сказала, что дома никого нет. Она одна. Хотя мы знали, что он был дома. Вечером по селу прошел слух, что от Кази-Муллы получены сведения об отмене переселения по воле Аллаха и чтобы люди успокоились. Хотя, как мне было известно, ближайшие его сподвижники заготовили все, что нужно, для того, чтобы перенести дальнюю дорогу. Большинство людей поверило ему и встретило переселение неподготовленными» (Абдул-Гамид Тангиев. «Тяжелый век»).

Массовое выселение чеченцев и ингушей началось ранним утром 23 февраля 1944 года. Для выселения основной массы жителей Чечено-Ингушской АССР было подготовлено 180 эшелонов. За сутки из населенных пунктов было вывезено 333 739 человек, из этого числа в этот же день погружено в эшелоны 176 950. Более быстрому выселению помешал обильный снег, выпавший днем 23 февраля. Тем не менее, по 29 февраля выселили и погрузили в вагоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей и 387 229 чеченцев.

Через неделю, 29 февраля 1944 года, была депортирована часть политической, культурной и религиозной элиты, о чем писал Берия Сталину в донесении от 1 марта 1944 года. Об этом рассказала Марьям Яндиева, автор книги «Депортация ингушей», первого документального исследования, посвященного февральским событиям 1944 года.

Все поэты и писатели, авторы патристических поэм, песен, отправлялись в ссылку. Им разрешили взять больше вещей и еды, чем тем, кого погрузили в холодные телячьи вагоны. «Как партийно-советским, так и духовным лицам, используемым нами, обещаны некоторые льготы по переселению (будет увеличена норма разрешенных к вывозу вещей)», — сообщал Берия Сталину. Последующие эшелоны для этой же части населения Чечено-Ингушетии отправлялись и в марте. В мае фор-

КАК ПОЙМАТЬ ПЕРМСКИЙ «МЕМОРИАЛ»

С 5 по 11 августа 2019 года проходила волонтерская экспедиция Пермского «Мемориала» «По рекам памяти» в Кудымкарском районе Пермского края, согласованная на уровне края и внесенная в план работ по «мемориализации». Но эта экспедиция с самого начала вызвала сопротивление со стороны местных властей: глава Кудымкарского района Валерий Климов отказал «Мемориалу» в содействии в проведении экспедиции.

Участники экспедиции приехали в поселок Галяшор, чтобы благоустроить кладбище литовских и польских спецпереселенцев, а также установить 9 августа в поселке Велва-База и деревне Шарволь памятные знаки. В эти места направляли спецпоселенцев, почти все из них были литовцы. Мемориальцы планировали записать интервью с местными жителями — репрессированными, родственниками репрессированных и очевидцами тех событий.

Вечером 10 августа в Галяшор пришли полицейские. Председатель Пермского «Мемориала» Роберт Латыпов рассказал корреспонденту «30 октября», что к 10 августа практически были закончены работы в нежилом поселке Галяшор по расчистке территории кладбища, где были похоронены поляки и литовцы — жертвы политических репрессий. «Вместе с волонтерами в благоустройстве кладбища принимали участие и родственники тех, кто здесь погребен. Мы провели большую работу: убрали сухостой, покосили траву. Кстати, из-за сильных ветров и обильных снегопадов много деревьев были повалены на могилы, одно дерево упало на забор, который нам пришлось восстанавливать. Все работы были закончены, мы собирали свои вещи и ждали трактор, который должен был вывезти участников экспедиции к населенным пунктам. Поселок Галяшор, где находится кладбище и где останавливались участники экспедиции «Мемориала», уже давно считается нежилым, а потому и дорог в этом краю нет. И добираться сюда приходится только на вездеходах или на тракторе», — пояснил Роберт.

«И каково было наше удивление, когда в этом заброшенном поселке вдруг появляется весьма представительная группа ответственных работников. В послед-

ний день экспедиции, когда мы собирались уезжать, к нам приехали участковый полицейский, сотрудник уголовного розыска, представитель департамента природопользования из Перми и сотрудники миграционной службы Пермского края», — продолжил Латыпов.

По его словам, прибывшие после беглого осмотра территории кладбища и прилегающей территории вдруг обвинили мемориальцев в незаконной вырубке леса. «Кто-то здесь, в урочище, построил мостик. Чиновники, увидев мостик и пеньки от срубленных деревьев, поспешили обвинить нас в том, что это мы срубили деревья и построили его. Хотя когда следователь начал опрашивать всех участников экспедиции и местных жителей, то выяснилось, что мостик был построен в начале лета, когда нас, мемориальцев, здесь еще не было. Лесник также подтвердил тот факт, что мост был сооружен задолго до нашего появления на этом кладбище. Однако на эти показания сведущих людей следователь не обратил никакого внимания. Он составил протокол, в котором именно мы, участники экспедиции, являемся злостными вредителями лесных массивов Пермского края, а потому против нас будет возбуждено уголовное дело. На возмущенный вопрос одного из мемориальцев: «Почему вы считаете, что именно мы рубили деревья для этого мостика?» — «В эту глушь, кроме вас, никто не поедет по этому бездорожью», — прозвучало в ответ», — говорит Роберт.

Он также рассказал, что опросы свидетелей длились до двух часов ночи и продолжались еще и на следующий день. «Мемориальцы планировали установить в поселке Велва-База памятный знак репрессированным литовцам, но ад-

министрация Кудымкарского района Пермского края отказалась предоставлять на это разрешение», — рассказал Роберт Латыпов. По его словам, в Пермском крае только в Кудымкарском районе возникают такого рода проблемы во взаимодействии с властями.

Так, в 2016 году в Галяшоре литовцы установили памятный знак. О своих намерениях они сообщили главе Кудымкарского района Валерию Климову, но в тот раз он даже им не ответил. Надзорные ведомства впоследствии оценили действия литовцев как самозахват земель лесного фонда и выписали штрафы двоим жителям Перми и Велва-Базы, которые помогали литовцам. В ситуацию вмешалась Татьяна Марголина, бывшая в это время уполномоченным по правам человека в Пермском крае. Штрафы отменили, а памятник решили узаконить, сообщил портал Parmanews.ru.

По мнению члена правления Международного общества «Мемориал» Александра Калиха, у приехавших чиновников вызвал раздражение тот факт, что им не удалось никого ни в чем уличить. «Они очень надеялись, что будет хоть какая-то зацепка в действиях участников экспедиции, чтобы уличить их в нарушении закона. Поэтому в этой команде присутствовали чиновники из миграционной службы и из природоохранного органа. Проехать по бездорожью более 200 километров, чтобы обвинить участников экспедиции в покосе травы и в незаконной вырубке леса, — это силовиками трактуется как незаконное использование территории лесного фонда Российской Федерации и считается административным правонарушением?» — удивляется правозащитник.

11 августа полицейские снова приезжали, опрашивали также литовцев — участников экспедиции. Литовская инициативная группа обратилась в посольство Литовской Республики.

Александр Калих также считает, что недовольство у власти имеющих и тех, кто спланировал эту акцию, вызывает тот факт, что в состав участников экспедиции входят и представители зарубежных государств — Польши и Литвы. «Но и чиновнику из миграционной службы не к чему было придираться: все документы у иностранных граждан были в полном порядке. И вообще, нет такого закона, который бы запрещал родственникам посещать могилы предков, которые были расстреляны и похоронены на территории другого государства», — сказал Александр Калих.

14 августа в полицию вызвали жителя поселка Велва-База Леонида Ладанова. В отношении него полицейские возбудили уголовное дело по статье «Фиктивная регистрация иностранных граждан».

Один из участников экспедиции литовец Генюс Балюкевичус родился в Галяшоре, куда в 1940-х годах отправили его маму, папашу под репрессию. Леонид Ладанов тоже родился в Галяшоре. Они росли вместе с Генюсом, дружили в детстве, дружат и сейчас. Поэтому литовцы и зарегистрировались у Леонида Ладанова, когда приехали в Кудымкарский район.

Нынешний Уполномоченный по правам человека в Пермском крае Павел Миков направил запрос в ГУ МВД и краевую прокуратуру. Он намерен выяснить, на каком основании были допрошены участники экспедиции «По рекам памяти» в Кудымкарском районе.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Генюс Балюкевичус на могилах бабушки и брата в Галяшоре. Фото Елены Исторминой / «Парма-новости» — из архива Пермского «Мемориала»

НОГИНСКАЯ НАХОДКА

В конце 1980-х годов Богоявленский собор в подмосковном Ногинске, закрытый в годы советской власти, был возвращен РПЦ. Началась реставрация храма и прилегающей территории.

Весной 1989 года, во время ремонта инженерных коммуникаций, строители наткнулись на большую яму с человеческими останками. Но это было не беспорядочное захоронение расстрелянных, а именно перезахоронение, так как 93 черепа с пулевыми отверстиями, кости рук и ног, ребра лежали отдельно. Вот что через 30 лет рассказывают свидетели той страшной находки, взбудоражившей весь Ногинск.

Наталья Нагога, главный редактор муниципальной газеты «Волхонка»:

— Ранней весной кто-то принес в редакцию информацию, что на территории Богоявленского собора обнаружили захоронения, очевидно, относящиеся к периоду сталинских репрессий. Редактор послал корреспондента Геннадия Пересаду и фотографа Дмитрия Абрамова. Они подготовили материал. Информация получилась короткой: только то, что увидели. Никто не брался комментировать. Было очевидно, что людей расстреляли: в черепах были характерные для пуль отверстия. Фотографий было много, но в редакционном архиве они и газетный выпуск не сохранились из-за случившегося в октябре 1993 года подвига редакции, а электронных носителей в то время не было. В личном архиве Дмитрия Абрамова осталась эта копия снимка, который публиковался в газете.

На снимке видно, что под окнами внешней полукруглой стены алтаря на досках слева лежат черепа, а справа — кости.

Владимир Шмидт, также депутат Совета, вспоминая прошлое, написал мне: «На одном из заседаний Совета народных депутатов Ногинского райо-

на в 1989 году депутат Валентин Старина (отец Адриана) доложил о страшной находке на территории Богоявленского собора города Ногинска. При производстве строительных работ рабочие обнаружили массовое захоронение. Количество определили по числу черепов, их было 93. Это сообщение было воспринято депутатами с большим вниманием и было поводом для дальнейшего расследования. К сожалению, мне не пришлось участвовать в этой работе, так как я занимался другим направлением».

Вспоминает в письме мне Галина Глазкова, вдова депутата, поэта и журналиста Евгения Глазкова:

— После одного из заседаний Ногинского Совета народных депутатов муж очень взволнованно дома рассказывал, что выступил депутат Валентин Старина, который сообщил о находке на территории Богоявленского собора, о многочисленных человеческих останках с простреланными черепами. Дело в том, что Евгений одним из первых занимался возвращением имен репрессированных ногинчан и был убежден, что необходимо срочно начать серьезную поисковую работу: кто, кем, за что был убит и как это все оказалось на территории собора.

Вспоминать в письме мне Галина Глазкова, вдова депутата, поэта и журналиста Евгения Глазкова:

— После одного из заседаний Ногинского Совета народных депутатов Ногинского райо-

Преждевременная смерть помешала ему заняться этим страшным расследованием.

Вслед за депутатами факт обнаружения массового захоронения расстрелянных был доложен Комитету госбезопасности и УВД по Ногинскому району. Ответных действий на это обращение не последовало. Кое-кто из прихожан пытался провести частное расследование, и даже был найден один старый житель Ногинска, в прошлом работник НКВД, но дальше дело не пошло.

В 1989 году, на Духов день, третья часть черепов и костей была положена в общую гробницу и захоронена в братской могиле на территории Богоявленского собора с соблюдением всех обрядов. Над ней установили деревянный крест. Не захороненные черепа и кости были аккуратно сложены и законсервированы в ожидании необходимой экспертизы, но никто не приехал для ее проведения.

Через год, на Духов день 1990 года, вторую треть останков захоронили рядом с первой могилой и установили второй крест. Последняя треть продолжала оставаться законсервированной в ожидании приезда экспертов. Их не было.

Прошел еще год. Советский Союз трещал по швам. Стало

ясно, что наша проблема никого не интересует и экспертов нам не дожидаться. Поэтому на Духов день 1991 года последняя треть останков со всеми почестями была захоронена рядом с первыми двумя братскими могилами с установлением третьего креста.

В настоящее время эти три могилы на территории Богоявленского собора объединены в одну, на ней посажены цветы и установлен большой кованный чугунный крест. Молодые уже ничего не слышали об этой истории, но старожилы Ногинска ее знают.

Во время сбора свидетельских показаний меня поразило то, что некоторые люди до сих пор боятся говорить о найденных на территории собора человеческих останках или просят не упоминать их имени. Они вспомнили, что в лесу, за железнодорожными путями, вблизи поселка Благовещенье, было стрельбище НКВД, недалеко от того места, где в 1918 году без суда и следствия был расстрелян настоятель Богоявленского собора протоиерей Константин Голубев. Людская память сохранила место его убийства. Теперь там установлен памятник, его мощи находятся в Богоявленском соборе, он причислен к лику святых Русской православной церкви в 2000 году как священномученик Константин Богородский, а один их храмов Ногинска освящен в его честь. В 2018 году, когда исполнилось 100 лет со дня его трагической гибели, на здании тюрьмы, где он провел последние дни своей жизни, в торжественной обстановке была открыта мемориальная доска.

Возможно, на этом стрельбище НКВД расстреливали и других людей, но это место казни не было огорожено, не охранялось, и была опасность обнаружения трупов, поэтому их перезахоронили в наиболее надежном месте — на территории закрытого Богоявленского собора. Но это предположения, нужно глубокое, всестороннее, межведомственное исследование, которое так и не провели за 30 лет, отделяющих нас от жуткой находки человеческих останков в центре Ногинска.

В течение трех последних лет я письменно обращалась к нынешнему настоятелю Богоявленского собора протоиерею Марку Ермолаеву, к прежним руководителям управления социальной защиты населения и народного образования и к главе Ногинского района, но никакого ответного действия с их стороны не последовало.

Возможно, все они не знали о Федеральном законе № 67 от 9 марта 2016 года, в статье 1 которого записано: «<...> органы местного самоуправления в рамках своей компетенции, в соответствии с законодательством Российской

Федерации ВПРАВЕ (выделено Н.М.) осуществлять меры по увековечению памяти жертв политических репрессий и поддерживать деятельность организаций и граждан, направленную на увековечение памяти жертв политических репрессий, в частности деятельность по выявлению и благоустройству мест захоронений жертв массовых репрессий, выявлению архивных документов по истории политических репрессий, созданию и пополнению музейных экспозиций».

В Статье 3 вышеназванного Федерального закона сказано: «В случае обнаружения места захоронения жертв массовых репрессий орган местного самоуправления направляет в региональный орган охраны объектов культурного наследия ЗАЯВЛЕНИЕ (выделено Н.М.) о включении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в реестр с приложением сведений о местонахождении объекта <...> и его историко-культурной ценности».

Недавно Ногинский район был преобразован в Богородский городской округ и сменились начальники управлений народного образования, социальной защиты населения и глава Богородского округа. Надеюсь, что им известно о существовании ФЗ-№ 67 от 9 марта 2016 года, поэтому наши ходатайства о необходимости проведения экспертизы человеческих останков, обнаруженных 30 лет назад на территории Богоявленского собора города Ногинска, будут продолжены.

29 июля 2019 года на приеме у Сергея Пастухова, заместителя главы Богородского городского округа, мне сообщили, что Администрация БГО направила в Главное управление культурного наследия Московской области заявление для рассмотрения и принятия решения о включении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в реестр объектов культурного наследия в качестве вновь выявленного объекта.

Таким образом, вопрос о безымянном захоронении останков 93 человек в центре Ногинска сдвинулся с мертвой точки.

Я обращаюсь к читателям «30 октября» с большой просьбой: если вы или ваши родные были в подмосковном Ногинске в конце 1980-х годов и слышали об этой истории, то напишите или к автору статьи nelsemm@yandex.ru, или в редакцию «30 октября».

Нэлли МАРГУЛИС,
Ногинск

На снимке: Человеческие останки, найденные на территории Богоявленского собора подмосковного города Ногинска в конце 1980-х годов, в ожидании экспертизы. Фото Дмитрия Абрамова, коллаж Виктории Ходиной.

НЕ БОЛТАЙ, А ТО ПОЕДЕШЬ НА АЛТАЙ

➤ Окончание. Начало на с. 5

сборники русских поэтов. В молодости увлекался поэзией Серебряного века. Сам писал стихи, их более семидесяти. В большинстве своем они пронизаны грустью, но очень красивы и выразительны».

После этого я встретилась с Людмилой Агаповной, и судьба ее отца, словно из лоскутков, соединилась для меня в единое целое.

Удивляет его родословная. Оказывается, село Житниковское названо в честь его предков. Официально деревня была основана в 1848 году. По реформе Николая Первого об управлении государственными крестьянами предусматривалось переселение крестьян из нечерноземных центральных губерний в Сибирь.

Выходец из деревни Мазуевка Кунгурского уезда Пермской губернии Егор Васильевич Житников побывал на западном берегу озера Иткуль, а возвратившись, рассказал крестьянам о жизни там. Были выбраны ходоки, которые отправились бить челом к губернатору с просьбой поселиться в Шадринский уезд Каргапольской волости. Так и появилось село Житниковское, в котором родился и вырос Агап Васильевич Житников, с 18 лет отбывавший свой срок на Алтае.

По рассказам дочери, ему повезло, что в советской тюрьме их держали отдельно от уголовников. Агап Васильевич частенько шутил: «Не болтай, а то поедешь на Алтай». Возвратившись домой, он работал

учителем русского языка и литературы в школе в селе Житниковское, вместе со своей женой Ниной Мартыновной, учителем истории, они собирали материал по истории края. Нина Мартыновна оберегала мужа от подозрений и сплетен.

В сентябре 1941 года Житников был призван в армию, после чего направлен в Еланский учебный корпус, затем в Камышловское пехотное военное училище, но окончить его Агапу Васильевичу не удалось: курсантов училища включили в состав 96-й стрелковой бригады и направили на фронт.

Сам Житников вспоминает, как они вскоре включились в ночную атаку: «Я был пулеметчиком, мы передвигались от балки до балки и вели пулеметный огонь по фашистам. А однажды во время такой бомбежки нас накрыл огонь противника. Трое было убито, двое ранено. Один из них был я. После излечения в госпитале я был уволен по ранению и приступил к прежней работе учителя, как и до войны».

Людмила Агаповна уточняет, что практически весь учебный состав пулеметчиков был расстрелян под Сталинградом, а отцу оторвало пальцы.

Когда 3 марта 2017 года Агапу Васильевичу исполнилось бы 100 лет, в редакцию Каргапольской газеты «Сельская правда» в рубрике «Открытое письмо» появились слова о добром учителе. Рыжкова пишет: «Агап Васильевич Житников — участник ВОВ, автор гимна нашего села, человек энциклопедических знаний и огромного жизненного опыта, поэт и краевед — таким знают и помнят его односельчане. Наш учитель и наставник был настоящим знатоком и ценителем художественной литературы и искусства. Писал в газету «Сельская правда» под псевдонимом Васильев. Мы порой не слушали учителя и шалили, как и вся детвора. Но Агап Васильевич всегда был для нас авторитетом. Он сумел привить своим ученикам человечность, уме-

ние быть честными с собой и другими людьми, не кривить душой».

Реабилитирован в 1992 году. В архивном деле указан единственный адрес для информирования о реабилитации — это адрес А.В.Житникова. Сейчас здесь живет его дочь. Он успел получить справку о реабилитации, компенсацию, умер в 1998 году. Похоронен Агап Васильевич на кладбище села Житниковское Каргапольского района. Талантливый и добрый учитель мог сгинуть в период политических репрессий, но выжил, проведя лучшие юные годы в заключении. Благодаря удивительному стечению обстоятельств, мы сумели проследить, как сложилась дальнейшая судьба Агапа Васильевича, а вот что произошло с остальными студентами и преподавателем молочного техникума, проходившими по этому следственному делу, пока не знаем.

Людмила БАЗАРОВА,
Курганский «Мемориал»

Сколько их было — жертв репрессий и беззаконий? Любое число, которое сейчас называют, увы, не может быть точным. Никто не знает, где их могили, где оборвана нить их жизни. Куда принести цветы? Отголоски трагических событий донеслись до потомков тех, кто был репрессирован. В те далекие годы родственников арестованных заставляли отказываться от своих родных, клеймо «репрессированный» долго влияло на судьбу жителей Советского Союза. Невозможно подсчитать точное количество жертв репрессий. Ведь пострадали не только те, кто был выслан, расстрелян, но и те, кто много лет носил клеймо жены, сына, дочери «врага народа». Например, одна из таких — огромная наша семья Репиных, прямых потомков декабриста Н.П.Репина. Трое из пяти его внуков — расстреляны и не менее 25 правнуков и праправнуков были спецпереселенцами, родились в заключении или ссылке. Давайте вспомним хотя бы некоторые имена из огромного числа репрессированных.

Оперативный приказ № 00447, подписанный Сталиным 30 июля 1937 года, гласил: «<...> 5 августа 1937 года во всех республиках, края и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, антисоветских элементов и уголовников. <...> Операцию начать 5 августа и закончить в четырехмесячный срок».

Американский советолог Джон Дж. Стефан в своей статье «Дальневосточный заговор? Русский сепаратизм на Тихом океане» утверждает, что репрессии в указанные годы на Дальнем Востоке были выше, чем в европейской части России.

Могу твердо сказать, что по Приморскому краю с 1929 по 1938 года был репрессирован каждый пятый, а пострадал каждый третий. Только депортировано одних корейцев более 170 тысяч, не считая китайцев, немцев, поляков.

Все началось с внутрипартийной борьбы, борьбы с оппозицией, в частности с дела так называемой «Промпартии». Следователи НКВД усмотрели, что местные Владивостокский и краевой Хабаровский центры «Промпартии» были связаны общностью целей как между собой, так и с представителями генерального штаба японского военного командования, установив на проведение враждебной против СССР деятельности «Промпартия» получила от Московской ЦУМОРовской¹ организации в лице Иванова и Тухолка.

Формирование этой организации началось в середине 1929 года, и численность ее достигла 154 человек. Возглавлял эту контрреволюционную организацию С.С.Носилов при непосредственном участии Б.В.Каразина.

Вредительская деятельность организации, как видно из обвинительного заключения, выражалась:

1. В разработке плана дезорганизации работы морского транспорта к моменту предстоящей японской интервенции и в одновременной подготовке его для активного участия в перевозках интервентских войск и военного снабжения.

2. В мобилизации личного состава, то есть в комплектовании командных должностей членами своей контрреволюционной организации и подборе команд на суда из антисоветского элемента, с расчетом использования его на стороне японских интервентов.

3. В подготовке диверсионных актов на стратегических объектах к моменту японской интервенции Дальнего Востока.

4. В попытках приобретения оружия из-за границы, а также захвата оружия и взрывчатых веществ на местах.

5. В разработке плана активного содействия японским интервентам по захвату города Владивостока до станции Угольная включительно и по вводу японской военной эскадры в Амурский и Уссурийский заливы.

6. В создании условий японским интервентам для высадки десантов в пункты побережья Тихоокеанского бассейна.

7. В проведении антисоветской агитации среди населения Приморского побережья с расчетом формирования повстанче-

ских отрядов для помощи японским интервентам.

8. В физическом разрушении транспортно-вспомогательного флота путем: срыва графиков ремонта, проведения недоброкачественного ремонта судов и умышленных аварий.

9. Во всемерном замедлении развития Владивостокского торгового порта, в увеличении числа фрахтованных иностранных судов и объема грузооборота через Маньчжурский железнодорожный транзит.

10. В собирании и передаче военно-разведывательной информации о Советском Союзе по заданию японского генерального штаба.

К уголовной ответственности по делу были привлечены следующие лица Совторгфлота:

1. Каразин Борис Владимирович — главный инженер Совторгфлота Тихоокеанского бассейна, арестован 15 марта 1931 года, осужден к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

2. Носилов Сергей Сергеевич — морской инспектор Совторгфлота и преподаватель курсов судоводителей Тихоокеанского бассейна, арестован 26 января 1931 года, осужден к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

3. Пель Александр Николаевич — заведующий учебной частью Владивостокского мортехникума, арестован 27 января 1931 года, осужден к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

4. Якушев Борис Владимирович — преподаватель Владивостокского мортехникума, арестован 27 февраля 1931 года, осужден к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

5. Русанов Петр Петрович — помощник капитана парохода «Приморье» Совторгфлота, арестован 27 января 1931 года, осужден к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

6. Грызлов Иван Порфирьевич — капитан парохода «Ереван» Совторгфлота, арестован 7 июля 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 5 лет.

7. Шумилин Леонид Филиппович — капитан парохода «Бурят» Совторгфлота, арестован 27 января 1931 года, осужден к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

8. Курковский Витольд Михайлович — капитан парохода «Кречет» Совторгфлота, арестован 7 июля 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

9. Матвеев Назарий Иванович — прораб по восстановлению здания Совторгфлота, арестован 14 июня 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 3 года условно.

10. Рождественский Константин Андреевич — старший помощник капитана парохода «Желябов» Совторгфлота, арестован 27 января 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 5 лет.

11. Жмакин Георгий Владимирович — старший помощник капитана парохода «Бурят» Совторгфлота, арестован 27 января 1931 года, осужден к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

ИЗ ИСТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ТЕРРОРА

12. Панов Петр Александрович — архитектор Совторгфлота, арестован 14 июня 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 5 лет.

13. Заяц Харитон Германович — старший помощник капитана ледокола «Литке» Совторгфлота, арестован 27 января 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 3 года.

14. Терентьев Африкан Владимирович — заведующий бюро по обслуживанию иностранных пароходов, арестован 3 июля 1931 года, осужден к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

15. Васюкевич Николай Васильевич — старший помощник капитана парохода «Вацлав Воровский» Совторгфлота, арестован 27 января 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

16. Лысенко Александр Иванович, отбывал наказание в Дальлаге ОГПУ, арестован 28 сентября 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 3 года.

17. Билевич Леонид Владимирович — капитан ледокола «Литке» Совторгфлота, арестован 24 августа 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

18. Панов Аристарх Иванович, отбывал наказание в Дальлаге ОГПУ. 16 апреля 1932 года осужден к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

19. Грундман Лев Романович — преподаватель Владивостокского мортехникума, арестован 14 июня 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 3 года.

20. Шарский Казимир Октавинович, до ареста отбывал наказание в концлагере за экономический шпионаж. По настоящему делу осужден к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

21. Скурский Владимир Федорович — старший помощник капитана парохода «Дифтер», арестован 27 сентября 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 3 года.

22. Плотников Василий Иванович — капитан парохода «Приморье» Совторгфлота, арестован 22 августа 1931 года, осужден к ссылке в Северный край сроком на 3 года.

23. Гриве Георгий Георгиевич — заведующий курсами судоводителей Совторгфлота, арестован 22 августа 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

24. Ивлев Георгий Аносович — преподаватель Владивостокского мортехникума, арестован 8 августа 1931 года, осужден к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

25. Харитонов Борис Федорович — главный инженер технического отдела Совторгфлота, арестован 12 апреля 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 5 лет.

26. Розов Сергей Сергеевич — начальник управления портовых изысканий на Тихоокеанском бассейне, арестован 12 апреля 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

27. Петров Анатолий Николаевич — архитектор Совторгфлота, арестован 14 июня 1931 года, осужден к заключению в концлагерь сроком на 3 года условно.

Арест всех проходящих по делу лиц произведен без санкции прокурора. Никто из обвиняемых по окончании следствия с материалами дела не был ознакомлен. Осуждены они 16 апреля 1932 года и 17 июля 1933 года «тройкой» при ПП ОГПУ Дальнего Востока.

В отношении троих человек — Г.А.Ивлева, А.И.Лысенко и В.И.Плотникова — 23 февраля 1956 года по жалобе Г.А.Ивлева и протесту Приморского краевого прокурора президиум Приморского краевого суда дело прекратил за недоказанностью предъявленного обвинения.

Во многих районах Дальнего Востока в 1933 году были вскрыты филиалы мифической «Трудовой крестьянской партии». К примеру, на территории Биробиджанского района и Хабаровска была «обезврежена контрреволюционная вредительско-повстанческая организация», якобы активно действовавшая на протяжении ряда лет. По делу было привлечено 248 человек. До момента вынесения приговора 13 человек скончались в тюрьме, 84 крестьянина по постановлению «тройки» были расстреляны. Многие были казнены, так и не признавшись в сфабрикованных против них преступлениях, 151 человека приговорили к лагерным срокам и лишь немногих — к ссылке в отдаленные районы Сибири и в районы Крайнего Севера.

По существу, карательной акцией стала сплошная коллективизация сельского хозяйства. Около 5 тысяч семей крестьян Дальнего Востока, или около тридцати тысяч человек, были признаны ку-

лаками, насильственно отправлены в Казахстан, Иркутскую область, Красноярский край, Амурскую область и на Север. Дома, скот и имущество, среди которого и швейные машины «Зингер», передавались наспех создаваемым колхозам.

Известны случаи массовых расстрелов крестьян. 28 июня 1931 года по решению «тройки» были расстреляны 75 человек, а 46 — приговорены к различным срокам лагерей.

В Архиве Президента РФ хранятся 11 томов сталинских расстрельных списков. Эти списки представлялись органами НКВД Сталину, Молотову, Кагановичу и другим членам высшего руководства. По таким спискам с февраля 1934 по сентябрь 1938 года 38 848 коммунистов были расстреляны и 5449 заключены в тюрьмы и лагеря.

УСТАНОВЛЕННЫЙ ЛИМИТ

В соответствии с приказом НКВД от 30 июля 1937 года был установлен лимит на 258 950 человек, подлежащих осуждению по первой и второй категориям (первая категория — расстрел, вторая — 10 лет лагерей). Этот лимит был распределен на все республики, края и области страны. При этом репрессиям были подвергнуты не только руководящие кадры, но и многие тысячи рядовых коммунистов.

Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР в Хабаровске 3 июня 1938 года рассмотрела дело об участии в антисоветской шпионско-диверсионной организации троцкистов и правых. Участники этой организации:

Крутов Григорий Максимович — председатель Дальневосточного райисполкома;

Верный Владимир Александрович — второй секретарь Ростовского обкома ВКП(б), бывший третий секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б);

Западный Семен Израилевич — заместитель начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю, комиссар безопасности третьего ранга;

Лебедев Евгений Владимирович — заместитель председателя Дальневосточного крайисполкома;

Райхман Элизар Григорьевич — заместитель председателя Дальневосточного крайисполкома и председатель Хабаровского горисполкома;

Вольский Михаил Петрович — исполняющий обязанности председателя Дальневосточного крайисполкома;

Слинкин Илья Васильевич — первый секретарь Хабаровского обкома и горкома ВКП(б), делегат XVII съезда ВКП(б);

Каплан Ефим Борисович — первый секретарь Хабаровского горкома ВКП(б);

Виноградов Григорий Самсонович — второй секретарь Хабаровского горкома ВКП(б);

Федин Павел Григорьевич — первый секретарь Уссурийского обкома ВКП(б);

Шостак Иван Васильевич — уполномоченный Наркомвнуторга, бывший нарком снабжения Узбекистана;

Веденский Василий Яковлевич — заместитель заведующего плановым отделом Дальневосточного крайисполкома;

1. Центральное управление морского транспорта.

Швер Александр Владимирович — редактор газеты «Тихоокеанская звезда»;

Лямин Леонид Иванович — председатель Хабаровского облисполкома;

Чернин Михаил Яковлевич — прокурор Дальневосточного края; Шрайбер Морис Давидович — заведующий отделом здравоохранения Дальневосточного крайисполкома, бывший заместитель наркома здравоохранения Украины;

Новлянский Михаил Михайлович — уполномоченный нарком пищепрома.

Все приговорены к расстрелу. Через два дня, в ночь на 6 июня, приговоры были приведены в исполнение. Только по Приморскому краю по записке, написанной лично Диментманом (бывшим начальником УНКВД по Приморскому краю) и согласованной по телефону с краевым Управлением НКВД, было арестовано в одну ночь 40 партийно-советских работников. Аресты были произведены без всякой причины и санкции прокурора.

ДЕЛО О «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ЦЕНТРЕ»

В результате нового витка террора на Дальнем Востоке по три-четыре раза были заменены руководители всех сфер управления. В Приморском крае ДВК жертвами процесса стали секретари Уссурийского обкома ВКП(б) П.Г.Федин, С.И.Овчинников, председатель Уссурийского облисполкома А.В.Гриневиц, секретарь Приморского обкома ВКП(б)

П.М.Таныгин, председатель Приморского облплана В.В.Шмидт, директор авиазавода В.Г.Ирьянов, директор Дальзавода И.С.Сергеев, командующие Приморской группой войск И.Ф.Федько и М.С.Левандовский, начальник Приморского областного управления НКВД Я.С.Визель и сотни других. Возглавляли «Дальневосточный правотроцкистский центр» якобы первый секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л.Ч.Лаврентьев, начальник краевого управления НКВД Т.Д.Дерibas, маршал М.В.Блюхер, председатель Далькрайисполкома Крутов и другие. Им инкриминировалось создание широкой сети террористических организаций и шпионов для отторжения Дальнего Востока от СССР, передачи его Японии и реставрации капитализма.

Вслед за мужьями репрессиям подверглись и жены. Дети отправлялись в детские дома и трудовые колонии Красноярского края и Иркутской области, где сполна хлебали горя. Руководил террором на Дальнем Востоке особо уполномоченный Сталина в Хабаровске Матвей Шкирятов. Специальные бригады были направлены из Хабаровска во все областные аппараты НКВД ДВ «контрреволюционной правотроцкистской организации», которая якобы на местах оставалась неразоблаченной. С прибытием такой бригады во Владивосток здесь начались массовые репрессии. За короткий срок был арестован почти весь партактив, и краевой, и городской. А затем и директорский корпус.

Менее чем за год дело о «дальневосточном центре» разбухло до немыслимых размеров. Тюрмы были переполнены, массовые расстрелы следовали один за другим. В Приморье приговоренных к ВМН уничтожали, как правило, ночью во дворе внутренней тюрьмы НКВД (сейчас здание УВД во Владивостоке), в пригородах краевого центра и в городе Уссурийске. Были ночи, когда число казненных превышало сотню. На Горностае до сих пор сохранился расстрельный полигон.

Вскоре из Москвы следует новая директива — «очистить» край от кулаков, казаков, корейцев, китайцев, поляков, латышей, чехов, эстонцев, немцев, австрийцев, финнов и японцев и других СО (социально опасные элементы), которые поголовно «зачисляются» в агенты иностранных разведок и в члены контрреволюционных, шпионских и террористических организаций.

Летом 1938 года, в соответствии с директивами центра, сотрудники Приморского УНКВД провели массовые операции по изъятию «националов». Только за 16–17 июля 1938 года было арестовано четыре тысячи человек.

После побега Генриха Ляшкова к японцам для усиления борьбы с «врагами народа» из Москвы во Владивосток прибыл замнарком вундел Фриновский, успевший принять участие в расследовании дел Ягоды, Тухачевского, Якира и других, и запросил Москву увеличить краю лимиты по I-й категории. Лимиты получил сполна — за подписью Сталина с подачи Николая Ежова.

С этого времени в Приморском и Уссурийском управлениях НКВД попытки во время допросов стали массовым явлением. Сотрудники, пробовавшие протестовать против них, объявлялись не желающими бороться с контрреволюцией со всеми вытекающими отсюда последствиями. Следователи жестоко избивали арестованных (были смертные исходы), надевали наручники (были случаи атрофии кистей рук), вели многочисленные непрерывные допросы, заставляли часами стоять и тому подобное.

Особыми зверствами отличались Мочалов, Бугаев, Хренов, Ляходзеевский, Шеремет, Питулько, Мазурко. Многие арестованные, избегая мучений и страданий, сразу

соглашались с обвинениями и тем самым подписывали себе смертный приговор, спасая своих близких от репрессий и мук. В 1940 году был расстрелян и начальник ГУГБ, заместитель наркома внутренних дел Михаил Фриновский. Расстреляны и его жена и сын, а также Мочалов.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ПРАВОТРОЦКИСТСКИЙ ЦЕНТР

В мае 1937 года НКВД «раскрыл» заговор, возглавляемый маршалом Тухачевским, в который входили высшие офицеры Красной армии. Самоубийство Гамарника, последовавшее за арестом Тухачевского, похоже, убедило Сталина и Ежова в том, что у «предателей» имеется «параллельный центр» в Далькрае.

В сентябре 1937 года органами НКВД был «вскрыт» и ликвидирован Дальневосточный нелегальный правотроцкистский центр, имевший связь со штабом заговорщиков в РККА. Применяя пытки и истязания, следователи-палачи НКВД сфабриковали и заставили подписать показания о том, что названная контрреволюционная организация входила в состав правотроцкистского заговора на Дальнем Востоке, ставившего своей целью уничтожение Советского Союза и создание на его территории буржуазного государства под протекторатом Японии.

Мысль (как паранойя) о Дальневосточном заговоре созрела в Кремле и в НКВД.

Во всех промышленных, транспортных организациях, армии и флоте, научных, учебных и культурных учреждениях Дальнего Востока были «вскрыты» подобные организации. В рыбной промышленности, Дальтрансулге, морском транспорте были вначале следователями-палачами сфабрикованы дела, более 40 тысяч только приморцев расстреляны и более 100 тысяч невинных людей отправлены в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Такими жертвами жители Дальнего Востока обязаны Сталину и окружавшим его опричникам, которые в 1937 году пришли к мысли, что Дальний Восток стоит на грани выхода из СССР. Чтобы уничтожить этот «заговор», центральные власти уничтожили политических и военных руководителей промышленности, транспорта, сельского хозяйства Дальнего Востока, администраторов и интеллигенцию — одним словом, тех, кто мог или хотел думать прагматично и самостоятельно.

Необходимо отметить, что во время войны и послевоенный период как в целом по стране, так и на Дальнем Востоке, в его краях и областях репрессии не затихали, а усиливались.

Юрий ТРИФОНОВ-РЕПИН
Владивосток

На снимках: Владивосток, 1930-е годы
Фото из архива автора

Фото открытки с праздничной демонстрацией во Владивостоке в середине 1930-х годов из архива автора

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

ЗАХОДИТЕ В ВАГОН, ПОЕЗД ОТПРАВЛЯЕТСЯ

➤ Окончание. Начало на с. 8,11

мировались уже не эшелоны, а литерные вагоны, в которых спецпереселенцы покидали свою республику в комфортных условиях, но также под конвоем.

Писатели со своими семьями ехали в плацкартном вагоне. Джамалдин Яндиев рассказывал своей дочери:

— На каждой остановке мы с Идрисом Базоркиным выходили из вагона, чтобы узнать: какая станция, куда наш состав держит путь. Как правило, дежурные по станции нужной нам информацией не владели. Зато мы получали от них сведения о том, какие новости на фронте. Еще когда состав был в пути, мы видели вдоль дороги то там, то здесь трупы людей, полусасыпанные снегом. Мы понимали, что это наши люди, которые были отправлены из Грозного и других городов республики неделю назад.

В их поезде к некоторым вагонам был прицеплен товарный вагон. Как потом оказалось, в каждом таком вагоне были загружены вещи, мебель, продукты питания одного из духовных авторитетов. На одной остановке кто-то из священнослужителей пошел к товарняку, то ли для того,

чтобы что-то взять, то ли проверить сохранность вещей, как вдруг оттуда выкатились две трехлитровые банки с топленным маслом.

— Они упали в сугроб снега и не разбились. Мы с Идрисом находились рядом и видели все это, что смутило шейха, — рассказывал Джамалдин Яндиев.

— Мы выехали из Грозного в конце марта 1944 года. Жили в самом центре города, у нас были прекрасные соседи, — вспоминает Маликат Бузуртанова. — Муж Японц Бузуртанов работал первым секретарем Ножай-Юртовского райкома партии. Он был очень серьезный, все время молчал, когда я пыталась узнать, что с нами будет? Он сказал, чтобы мы никуда не ходили. В его отсутствие пришли военные, сказали, что нужно собрать вещи и ехать с ними. Помогли собрать вещи, подсказывали, что взять лучше. Сказали, что муж на вокзале ждет нас и чтобы мы поехали с ними.

— На железнодорожном вокзале нас посадили в правительственный поезд, — продолжает Маликат. — В нашем вагоне ехало три семьи. Поезд шел по следам трагедии. Почти на каждой станции мы видели трупы. С нами в одном вагоне ехал Юсуп Тангиев — председа-

тель президиума Верховного Совета ЧИАССР. Схватившись за голову и шагая из конца в конец вагона, он все время спрашивал: «Как это получилось? Почему это получилось?» А затем мужчины брали географическую карту и пытались проследить маршрут движения поезда. Мы долго ехали, высадились на станции Кант Киргизской ССР, где мы прожили 13 лет.

Азе Базоркиной, дочери ингушского писателя Идриса Базоркина, было девять лет, когда им пришлось вместе со всем народом покинуть Грозный.

— Дали время на сборы, уж не помню сколько. Но хорошо помню, что нам военные помогли собрать и хорошо упаковать вещи. Солдаты помогали, потому что всех мужчин куда-то позвали, на какое-то совещание. Поэтому женщинам трудно было собрать все необходимое в дорогу. К тому же не знали — куда везут и как надолго. Привезли нас с мамой на вокзал, обыкновенные вагоны, не товарняки. Завели в купе. Потом приехал папа. Кто-то сказал, что эпидемия сыпного тифа. Мама испугалась, что я могу заразиться, загнала меня на верхнюю полку и не разрешала спускаться вниз, только в туалет, — вспоминает Аза. — С нами в одном вагоне ехала семья Супьяна Моллаева. Его жена тетя Зина кормила все время меня и свою дочку Тамару вяленой таранкой. На каждой остановке мой папа и другие мужчины с наше-

го вагона бежали к полустанкам. Спрашивали, какая станция назначения.

— Пассажиры поезда, теплые вагоны, вполне сносное питание в пути — на этом закончились бериевские льготы для спецпереселенцев, — говорит Марьям Яндиева. — Правда, не для всех. Все остальные устраивались на работу кому куда повезет.

Идрис Базоркин работал кладовщиком в колхозе, потом в хозотделе геологуправления, Джамалдин Яндиев был завскладом, бухгалтером, счетоводом.

***

Доктор исторических наук Муса Ибрагимов в разговоре со мной вспомнил слова из Евангелия от Матфея (гл. 7, ст. 12): «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будет мерить».

— После того как всех посадили в теплушки и отправили в ссылку, через несколько дней пришла пора высылать парработников, представителей интеллигенции и сотрудников НКВД. Им были предоставлены пассажирские вагоны. Если каждому спецпереселенцу можно было взять с собой 100 кг, а на семью 500, то для них таких ограничений не было. К этому поезду были подцеплены еще багажные вагоны для их домашнего скарба. Таким образом выехало ру-

ководство. Такие были у них льготы. Но когда они приехали к месту ссылки, их льготы на этом кончались. Редко кто устраивался по специальности. Скажем, секретарь обкома был учетчиком по продаже керосина, другой ответственный работник был грузчиком на хлебозаводе. На мой взгляд, такого не было, что они оторвались от народа. Все выживали как могли, — считает профессор. — Некоторые горячие головы упрекают наших священнослужителей в том, что они сотрудничали с сотрудниками НКВД. Религиозные деятели понимали, что нет такой силы, чтобы сопротивляться, и поэтому нужно сохранить спокойствие и уповать на волю Аллаха. Они не предатели. Они себя считали обязанными сохранить людей, боялись, что люди будут сопротивляться, выступать против. Они призывали людей ради Аллаха смириться, потому что сопротивление приведет к гибели. Я знаю, что они многим спасли жизни, когда в апреле — мае 1944 года приехали в уже бывшую Чечено-Ингушетию, уговаривали тех, кто убежал в феврале и скрывался в горах, выйти сдаться и поехать в ссылку. «Там, в ссылке, мы будем вместе выживать, здесь же вас убьют, и никому даже будет прочитать молитву на вашей могиле», — говорили они.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

АВГУСТОВСКИЕ И СЕНТЯБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1919. 1 августа

В Венгрии свергнуто коммунистическое правительство. Фактически власть более 4 месяцев была сосредоточена в руках министра иностранных дел Бела Куна, поддерживавшего по радиотелеграфу прямой контакт с Лениным, который давал Куну рекомендации и прямые приказы. Победное шествие коммунизма по Европе, на которое рассчитывали вожди Советской России, приостановлено.

1924. 6 августа

Массовое антикоммунистическое восстание в Грузии, которое было подавлено в течение недели. Его подавлением руководил молодой чекист Лаврентий Берия. Это стало началом карьеры будущего «лубянского» маршала. Точное число жертв репрессий остается неизвестным. Около 3000 человек погибло в ходе боевых действий Августовского восстания.

1934. Август

Руководители ВКП(б) Сталин, Киров и Жданов, отдыхая в Сочи, редактируют новый учебник истории СССР для средних школ. По их указанию были восстановлены и сделаны ключевыми «дореволюционные» понятия: Россия, родина и патриотизм.

1 августа

Адольф Гитлер был утвержден на всенародном референдуме «фюрером и рейхсканцлером» Германии, получив поддержку 89,93%, или 38,4 млн человек.

Он сосредоточил в своих руках всю законодательную, исполнительную и судебную власть в стране. Это было установлением фашистской диктатуры в форме режима личной власти. Сталин стремился к налаживанию контакта с Гитлером еще с середины 1930-х гг.

1939. 23 августа

Председатель Совнаркома СССР Молотов и рейхсминистр иностранных дел Германии Риббентроп подписали в Москве пакт о ненападении между СССР и Германией. В секретном протоколе к этому пакту вся территория Восточной Европы была разделена на советскую и германскую сферы влияния.

1949. Август

ООН приняла важнейшие документы международного гуманитарного права — Женевские конвенции: 1) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; 2) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; 3) об обращении с военнопленными; 4) о защите гражданского населения во время войны. Женевские конвенции были ратифицированы СССР только в 1954 г.

1954. 11 августа

Постановлением президиума правления Союза писателей СССР «за грубые ошибки в работе» снят с поста редактора журнала «Новый мир» Александр Твардовский. Одной из главных причин, не названных в постановлении, была попытка опубликовать в журнале собственную сатирическую антисталинскую поэму «Теркин на том свете». До 1963 г. поэма была запрещена цензурой и распространялась в самиздате.

1959. 1-3 августа

Массовые волнения в городе Темиртау (Казахская ССР), начатые молодыми рабочими, участвовавшими в строительстве Карагандинского металлургического завода, из-за недовольства бытовыми условиями

(перебои с водой, плохая еда). Подавлены с применением войск, убито 11 и ранено 32 участника волнений.

1964. 10 августа

Указом Президиума Верховного Совета СССР сняты ограничения с высланных в августе — сентябре 1941 г. немцев Поволжья, однако их национальная автономия не была восстановлена. В указе не запрещается, но и не рекомендуется возвращаться немцам в прежние места проживания. Требование немцев о восстановлении их автономной республики интерпретировалось как национализм. То малое, что было обещано в Указе 1964 года, на местах исполнялось либо с проволочками, либо неполностью, либо не исполнялось совсем.

1969. Август

К годовщине вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию в самиздате вышел сборник документов «Полдень. Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади», составленный одной из участниц демонстрации Натальей Горбаневской. В книге воссоздана хроника событий того дня и собраны все материалы, относящиеся к ходу следствия и вынесению приговора по этому политическому процессу. В декабре 1969 г. Горбаневская была арестована по обвинению в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Вину ей ставили участие в демонстрации 25 августа 1968 г., написание и распространение письма об этой демонстрации, очерк «Бесплатная медицинская помощь», подписи под документами Инициативной группы, участие в издании «Хроники текущих событий». Находилась в Бутырской тюрьме и в Институте судебной психиатрии имени В.П.Сербского, где ей был поставлен диагноз «вялотекущая шизофрения». Была отправлена в Казанскую специальную психиатрическую больницу на принудительное лечение.

1979. Август

Западными СМИ обнародован «Балтийский меморандум» — один из важнейших политических документов сопротивления в странах Балтии. Меморандум, обращенный к Генеральному секретарю ООН, к правительствам СССР, ФРГ, ГДР, а также стран, подписавших Атлантическую Хартию, осуждал пакт Молотова — Риббентропа и призвал признать недействительными его последствия, вывести оккупационные войска из стран Балтии и гарантировать их право на свободное развитие. Документ подписали литовские, эстонские и латышские диссиденты — более 40 человек. К Меморандуму присоединились российские правозащитники Андрей Сахаров, Арина Гинзбург, Татьяна Великанова, Мальва Ланда, Виктор Некипелов и другие.

1984. 10 августа

Горьковский областной суд приговорил жену А.Д.Сахарова Елену Георгиевну Боннэр к 5 годам ссылки;

местом отбывания наказания был назначен Горький.

После ссылки А.Д.Сахарова в Горький в 1980 г. и до своего ареста в мае 1984 г. осуществляла рискованную, но самую надежную связь Сахарова с Москвой и Западом: доставляла в Москву и передавала за рубеж статьи, заявления и письма. В августе 1984 г. Горьковским областным судом признана виновной по статье 190-1 УК РСФСР, «так как она систематически распространяла в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а равно изготовляла в пись-

менной форме произведения такого же содержания».

По возвращении в Москву в 1987 г. вместе с А.Д.Сахаровым принимала непосредственное участие при зарождении таких общественных объединений и клубов, как «Мемориал», «Московская трибуна» и другие. Председатель неправительственной международной организации — «Общественной комиссии по увековечению памяти Андрея Сахарова — Фонда Сахарова». Член комиссии по правам человека при президенте России с ее основания и до 28 декабря 1994 г. Вышла из состава комиссии, не считая для себя возможным сотрудничество с администрацией президента, развязавшей российско-чеченскую войну.

1989. 23 августа

По инициативе народных фронтов Эстонии, Латвии и народного движения Литвы «Саюдис» проведена акция «Балтийский путь». Более миллиона жителей трех республик образовали живую человеческую цепь от Таллина до Вильнюса и 15 минут с 19.00 стояли, взявшись за руки.

«Балтийский путь» позволил продемонстрировать всему миру желание народов Прибалтики отделиться от СССР, их солидарность в этом стремлении. Через 6 месяцев после проведения «Балтийского пути» Литва первой из республик Советского Союза объявила о выходе из его состава.

1999. 2-25 августа

На территорию Республики Дагестан вторглись вооруженные отряды под руководством Шамиля Басаева и Хаттаба. После широкомасштабных боевых действий российской армии удалось отбросить их на территорию Республики Ичкерия.

Эти события стали началом 2-й Чеченской войны.

9-16 августа

Главой правительства РФ стал В.В.Путин, бывший полковник КГБ.

1919. 4 сентября

Декрет Совнаркома РСФСР о реквизиции частных библиотек. Гражданам разрешалось иметь в личной собственности не более 500 книг, остальные подлежали передаче в «просветительные учреждения». Реально в жизнь притворен не был.

1939. 17 сентября

На территорию Польши вошли советские войска с целью захвата Западной Белоруссии и Западной Украины. Территория Польши была поделена между Германией и Советским Союзом, а также Литвой и Словакией.

1944. 18-21 сентября

После отступления гитлеровских войск из Таллина там было сформировано национальное правительство Эстонии во главе с Юри Улуотсом. Просуществовало три дня, после вступления в город Красной армии члены правительства были арестова-

ны и осуждены на длительные сроки. Улуотс бежал в Швецию.

1949. 28 сентября

Советское правительство денонсировало договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Югославией из-за разногласий между лидером коммунистической партии Югославии Иосипом Броз Тито и Сталиным. Руководители Компартии Югославии отказались подчиниться Сталину по вопросу о включении Югославии в Балканскую федерацию, произошел разрыв межгосударственных и межпартийных связей с СССР. Заявление о денонсации было выдержано в угрожающих и непарламентских тонах, намекавших на возможность военного вторжения. Правительство бывшего союзника именовалось «фашистской кликой».

1954. 14 сентября

На Тоцком полигоне (Южный Урал) впервые в мировой истории проведены учения соединений Советской армии с применением ядерного оружия (кодовое название «Снежок»). Радиоактивному облучению подверглись многие солдаты и офицеры. Долгое время тайна, окружавшая учения, не позволяла их участникам получать соответствующую медицинскую помощь и льготы. А.Д.Сахаров один из первых озвучил эту проблему в конце 1980-х гг.

1959. Сентябрь

Визит главы СССР Н.С.Хрущева в США — первая в истории поездка руководителя советского государства в Америку. Сопровождался оглушительной пропагандистской кампанией, запомнился свободным поведением советского лидера. Время хрущевской «оттепели» касалось не только внутренней жизни, но и выхода за границы страны. Ответный визит президента США Эйзенхауэра в СССР был аннулирован Хрущевым из-за скандала со сбывшим американским самолетом-разведчиком У-2.

1969. 1-3 сентября

В Кировском городском суде слушалось дело 68-летнего учителя Бориса Владимировича Талантова. За написание и распространение статей религиозного содержания он был приговорен к 2 годам колонии. Умер в 1971 г. в тюремной больнице.

1974. 15 сентября

На московском пустыре в районе метро Беляево двадцать четыре художника начали показ картин в присутствии сотен зрителей (включая иностранных корреспондентов и дипломатов). Выставка была снесена с применением бульдозеров и поливальных машин, получила в истории название «бульдозерная выставка». Действия властей имели оглушительный международный резонанс, после чего художникам-нонконформистам (работавшим вне канонов «социалистического реализма») было официально разрешено провести ряд выставок. Борьба независимых

художников за возможность легального существования в советском обществе увенчалась успехом.

1979. 15-17 сентября

Президент Афганистана, лидер и вождь афганской революции Нур Мухаммед Тараки свергнут, а через два дня убит товарищем по партии Хафизуллою Амином. В СССР началась подготовка к вводу войск в Афганистан и замене Амина более послушным руководителем.

1984. 7 сентября

В Риме скончался кардинал Украинской греко-католической церкви Иосиф Слипый, бывший узник сталинских и хрущевских лагерей. (Активно поддерживал Организацию украинских националистов (ОУН), призывал к борьбе с СССР в годы войны, был обвинен в антисоветской деятельности и сотрудничестве с фашистами, провел в заключении почти 20 лет.) В процессе подготовки присоединения УГКЦ к Русской православной церкви советские спецслужбы неоднократно предлагали ему отречься от покровительства Рима и перейти в православную церковь, но он отказывался. В 1992 г. был перезахоронен в соборе св. Юра во Львове.

1989. 25 сентября

Верховный Совет Литовской ССР объявил незаконным вступление Литвы в СССР в 1940 г. по решению избранного на сфальсифицированных выборах парламента. Один из важных шагов к провозглашению независимости литовского государства. В 1988—1989 гг. наиболее активными борцами за независимость страны стали участники «Саюдиса» — Регимантас Адомайтис, Казимирас Антанавичюс, Витаутас Бубнис, Юозас Булаvas, Бронюс Генялис, Витаутас Ландсбергис, Юстинас Марцинкявичюс, Ромуальдас Озолас, Витаутас Петкявичюс, Арунас Жебрюнас, Виргилиюс Чепайтис, Казимера Прунскене.

На снимках: Елена Боннэр и Андрей Сахаров, 1985 г.
Фото из архива Сахаровского центра.

Разгон «Бульдозерной выставки».
Фото НИПЦ «Мемориал», Москва

Учредитель:

Международная общественная организация

«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»*

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:

129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180

Тел. редакции: (495)699-6478

E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера участвовали Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов

Выпускающий редактор Н.В.Савельичева

Литературный редактор Ф.В.Шведовский

Корректор Г.В.Заславская

Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 151 от 03.09.2019 г. (август — сентябрь 2019). Время подписания в печать: установленное по графику — 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно